ВОСПОМИНАНІЯ

О КАДЕТСКОЙ ЖИЗНИ

ГЕНЕРАЛА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА СЛѢПЦОВА.

Леонида, Епископа Дмитровскаго.

Отъ моряка
лейбъ-гусару
о
линейномъ казакѣ.

Москва
мая 2
1874.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр. 9 лин., № 12.)
1874.

ВОСПОМИНАНІЯ

О КАДЕТСКОЙ ЖИЗНИ

ГЕНЕРАЛА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА СЛѢПЦОВА.

Леонида, Епископа Дмитровскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр. 9 лин., № 12.)
1874.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 11 Марта 1874.

ВОСПОМИНАНІЯ О КАДЕТСКОЙ ЖИЗНИ
ГЕНЕРАЛА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА СЛѢПЦОВА.

Леонида, Епископа Дмитровскаго.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ,

необходимаго для поясненія происхожденія и нѣкоторыхъ особенностей въ содержаніи моихъ „воспоминаній“, предлагаются здѣсь три письма изъ переписки моей съ братомъ покойнаго генерала, Петромъ Павловичемъ Слѣпцовымъ.

ПИСЬМО I.

Отъ меня къ Петру Павловичу.

„Письмо ваше о героѣ, падшемъ на берегу Гехи, братѣ вашемъ, напечатанное въ „Сѣверной Пчелѣ“, было истиннымъ утѣшеніемъ для меня, который имѣлъ несравненное счастіе звать покойнаго товарищемъ и другомъ.

„Въ этомъ письмѣ, говорите вы, что описывать военныя заслуги Николая Павловича предоставляете сослуживцамъ, а сами склоняете рѣчь къ его домашнимъ отношеніямъ. Причина понятна: тѣ были очевидцами его военныхъ дѣлъ, вы — его домашнихъ отношеній.

Пусть бы, такимъ образомъ каждый, кто зналъ его, приложилъ свою страницу къ страницамъ вашимъ, г. Циммермана и др. Всѣ эти частныя свѣдѣнія послужили бы матеріаломъ для исторіи Николая Павловича Слѣпцова.

„Герой Сунженскій не былъ одностороннимъ военнымъ человѣкомъ. Сколько я понимаю, біографія его должна представить въ немъ образецъ истиннаго современнаго вождя православнаго русскаго воинства. Ни одна черта его прекраснаго характера не должна пропасть для исторіи. Печать высокой нравственной силы, глубокаго чувства религіознаго лежитъ на всѣхъ его поступкахъ, украшаетъ всѣ его подвиги, въ которыхъ для поверхностнаго взгляда болѣе видны слѣды рѣдкаго ума и баснословной отваги. Она, эта печать, должна свято сохраниться.

„Если же таково будетъ его жизнеописаніе, — повѣрьте, оно скоро сдѣлается настольной книгой у военныхъ и будетъ воспитывать героевъ и полководцевъ. „Братъ вашъ, было сказано вами, — имѣетъ истинный характеръ военнаго человѣка“. Въ немъ, прибавлю — были всѣ элементы великаго мужа и, не пресѣкись такъ рано жизнь его, нѣтъ военной степени, которой бы онъ не достигъ, если отбросить замѣчаніе, что dans ce monde les plus belles choses ont le pire destin... Но, и не достигнувъ цѣли, онъ можетъ указывать какъ достигать ее. Внутри себя онъ заключалъ все, а чего недоставало ему отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, то можетъ быть восполнено его историкомъ. Если историкъ соединитъ строгую правдивость съ горячею любовію къ герою своего труда; если не увлекаясь воображеніемъ къ преувеличенностямъ, сообщитъ картинѣ ту увлекательную силу, какою означался характеръ Николая Павловича; то нѣтъ сомнѣнія, что трудъ достигнетъ своей цѣли. Агрикола не былъ на высшей степени въ республикѣ, но сдѣлался образцомъ для государственныхъ людей: онъ имѣлъ въ себѣ всѣ элементы добродѣтельнаго и великаго государственнаго мужа и историкомъ его былъ Тацитъ! Если найдется Тацитъ и для нашего Агриколы, онъ долженъ будетъ обратиться къ вамъ и чѣмъ больше матеріаловъ вы сообщите ему, тѣмъ просторнѣе будетъ для его

пера. Въ этой послѣдней мысли я положилъ на бумагу свои воспоминанія о кадетской жизни Николая Павловича и хочу послать ее къ вамъ. Какъ ни слабъ мой очеркъ, но въ васъ онъ найдетъ судью снисходительнаго, потому что дѣло здѣсь не въ моемъ трудѣ, а въ предметѣ труда моего. Вы увидите изъ самой статьи въ какой мѣрѣ она можетъ служить матеріаломъ. Не препровождаю ее къ вамъ нынче, потому что незнаю утвердительно гдѣ вы находитесь и еще менѣе знаю пожелаете ли принять мою непрошенную услугу.

„Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ искреннѣйшемъ расположеніи привыкшаго уважать васъ по темнымъ воспоминаніямъ отроческихъ лѣтъ.“

Виѳ 17 Окт. 1852 г.

ПИСЬМО II.

Отъ Петра Павловича ко мнѣ.

„Невыразимо благодаренъ за письмо ваше и съ нетерпѣніемъ жду обѣщанныхъ воспоминаній о кадетской жизни покойнаго брата и друга Николая Павловича. Впередъ увѣренъ, что ваши воспоминанія будутъ лучшею страницею въ біографіи брата, о изданіи которой я не оставляю мысли и непремѣнно, если только вы будете благосклонны, сообщу вамъ ее для редакціи. Теперь я собираю матеріалы относящіеся до жизни и заслугъ брата, но къ несчастію встрѣчаю нѣкоторыя препятствія. Главные свидѣтели того и другаго, близкіе ему люди на Сунжѣ, мѣстѣ славныхъ его дѣйствій, остаются до сихъ поръ нѣмы къ моимъ просьбамъ, такъ что мнѣ необходимо будетъ самому съѣздить туда для достиженія своей цѣли. Нѣкоторыя изъ бумагъ, весьма важныя, мнѣ не доставлены и куда дѣвались неизвѣстно. Торопясь по обстоятельствамъ въ Петербургъ, я только проѣздомъ былъ въ Москвѣ и потому никакъ не имѣлъ времени быть у васъ; чувствую сильно лишеніе личнаго свиданія съ вами и постараюсь вознаградить себя на обратномъ пути; тогда покажу вамъ все, что я уже успѣлъ сдѣлать и еще сдѣлаю впослѣдствіи.

„Между тѣмъ, взятый мною для васъ образъ Св. Николая, изъ доставленной къ намъ образницы брата, я посылаю къ вамъ на память о покойномъ и покорнѣйше прошу принять его. Пребываніе мое въ Петербургѣ, къ несчастію, замедляется. Здѣсь я желалъ бы воссоздать схожій портретъ брата, по тѣмъ, которые сняты были съ него тайно при жизни. Не знаю буду ли имѣть успѣхъ? Также пріискиваю статьи, помѣщенныя о братѣ въ иностранныхъ журналахъ въ особенности за 1848—1849 г.

„Много обяжете, если при трудности вашихъ занятій удѣлите нѣсколько минутъ на переписку со мною, и въ надеждѣ на нее сообщаю вамъ, что я живу на Невскомъ проспектѣ...

„Имѣя честь поздравить васъ съ новымъ годомъ, поручаю себя молитвамъ вашимъ и съ чувствомъ глубокаго уваженія и преданности остаюсь“...

13 Января 1853 г., С.-Петербургъ.

ПИСЬМО III.

Отъ меня къ Петру Павловичу.

„Съ нетерпѣніемъ жду обѣщанныхъ воспоминаній о кадетской жизни покойнаго друга и брата Николая Павловича“, — пишете вы. Простите же меня, если я злоупотребляю вашимъ терпѣніемъ. Въ тотъ самый день, въ который съ благоговѣйною молитвою о покойномъ общемъ нашемъ другѣ и съ усерднѣйшею благодарностію къ Вамъ, принялъ я, съ Сунжи пришедшую икону Св. Николая, получено мною извѣстіе, вызвавшее меня въ Москву, и съ тѣхъ поръ мало времени находилось въ моемъ распоряженіи. Теперь же съ радостію исполняю и ваше и свое желаніе и препровождаю къ вамъ мои „Воспоминанія“. Мало заботитъ меня: лучшею или худшею страницею въ біографіи героя будетъ мой очеркъ. У меня одно желаніе, чтобы собралось къ его біографу наибольшее количество вѣрныхъ данныхъ, чтобы письменный портретъ его былъ воспроизведенъ съ тою же вѣрностію, какой мы желаемъ живописному, надъ которымъ вы труди-

тесь къ истинному удовольствію знавшихъ и незнавшихъ лица нашего героя. Мои „Воспоминанія“ могутъ, по своеобразію своему, служить только матеріаломъ. Полагаю, что ихъ нельзя внести цѣликомъ по слѣдующимъ причинамъ: чтобы статья моя имѣла цѣлость и смыслъ, я старался доказать изъ личныхъ отношеній его ко мнѣ, какъ и въ то раннее время его жизни велика была его нравственная сила, которою онъ покорялъ себѣ сердца и властвовалъ надъ ними къ ихъ благополучію. Отсюда слѣдуетъ, что я долженъ былъ для уясненія дѣла не мало говорить о себѣ самомъ; показать, какъ и почему поддался я этому благотворному вліянію, а чтобы видно было въ чемъ именно состояла благотворность его вліянія требовалось коснуться разныхъ слабыхъ сторонъ моего характера. Однимъ словомъ, тутъ слишкомъ много моего ничтожнаго *я* для сочиненія, которое должно быть все посвящено *ему*. Потомъ, такъ-какъ писалъ я не для печати, то и не имѣлъ надобности открывать собственныя имена или умалчивать о такихъ случаяхъ, въ которыхъ всякому, сколько нибудь знавшему нашу корпусную жизнь будутъ тотчасъ видны дѣйствующія лица, хотя и не наименованныя. Впрочемъ, если полезно будетъ для уясненія характера и обстоятельствъ юношеской жизни Николая Павловича, я готовъ предать свою особу въ распоряженіе біографа при нѣкоторыхъ предварительныхъ условіяхъ, относительно же постороннихъ лицъ можно будетъ соединить деликатность съ правдивостію. Но объ этомъ при личномъ свиданіи, которое вы такъ обязательно мнѣ обѣщаете. Я ожидаю его полный желанія, но съ терпѣніемъ, которому надѣюсь прекраснаго вѣнца. Если хотя сколько нибудь извѣстна вамъ моя привязанность къ покойному вашему брату, то вы уже можете разсчитывать на меня, какъ на самаго усерднаго (хотя, конечно, недостаточно искуснаго) помощника своего въ дѣлѣ составленія біографіи вами приготовленной. Я совершенно въ вашемъ распоряженіи. Думать, говорить, писать о нашемъ незабвенномъ, это одно изъ наилучшихъ моихъ наслажденій было, есть и будетъ. Страшитъ одно: быть ниже своего предмета, ослабить впечатлѣніе, произведенное задушевною, горячею, вполнѣ образцовою статьею г. Циммермана.

Жаль, если этотъ даровитый писатель, можно сказать пѣвецъ Сунженскаго героя, не пріиметъ участія въ Вашемъ трудѣ. Ваша мысль побывать на Сунжѣ плѣняетъ меня. Если Богъ поможетъ вамъ исполнить ее, вы будете имѣть во мнѣ завистника. Вы избираете прекрасное средство для прекрасной вашей цѣли. Говорю, впрочемъ, не потому чтобы увлекало меня воображеніе, но по убѣжденію. Я довольно читалъ историческихъ книгъ и всегда замѣчалъ великую разницу между тѣми историками или лѣтописцами, которые видѣли если не самое событіе описываемое ими, по крайней мѣрѣ страну, гдѣ оно происходило и тѣми, которые писали по свѣдѣніямъ, какія собрали въ кабинетѣ за тридевять-земель отъ мѣста дѣйствія. Довольно взять знаменитую „Исторію Англіи со времени Іакова II“, Маколея, и какую нибудь вольтерову исторію Петра Великаго. Довольно вспомнить, что историкъ Раумеръ взялъ себѣ за правило полгода проводить въ кабинетномъ изученіи историческихъ памятниковъ какой либо страны, другую половину года (разумѣется лѣто) посвящать путешествію по этой странѣ: дѣло ясно и не требуетъ распространенія. Если я почему коснулся этого вопроса, то по убѣжденію, что исторія вашего знаменитаго брата должна не только представить намъ современнаго русскаго человѣка, дворянина и солдата въ лучшемъ и полномъ его развитіи, но и развернуть широкую картину кавказской боевой жизни. Изучая когда-то жизнь Велисарія по сочиненіямъ очевидца-историка Прокопія, я видѣлъ предъ собою военную жизнь Николая Павловича; читая образцовое Прескотово „Завоеваніе Мехики“ я воображалъ біографію сунженскаго Кортеса. Въ этой біографіи должны найти свое мѣсто: люди и природа, среди которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ, обстоятельства случайныя и основной, широко задуманный планъ его дѣятельности, внѣшняя обстановка его оригинальнаго быта частнаго и общественнаго, военнаго и гражданскаго, и внутренняя жизнь его души, и значеніе которое всему окружающему сообщаемо было высокимъ полетомъ его мысли, энергіею его воли, его христіанскими правилами. Если какъ должно будетъ выполнена эта трудная задача, можетъ явиться въ свѣтъ картина жизни, поучительная, по своему

внутреннему смыслу и увлекательная по своей поэтической обстановкѣ. Для этого стоитъ съѣздить на Сунжу, стоитъ погнуть спину надъ бумагой. Господь да поможетъ вамъ, а я въ чувствахъ искреннѣйшаго христіанскаго расположенія и уваженія къ вамъ повторяю, что есмь и буду вашимъ, Милостивый Государь, готовѣйшимъ ко услугамъ."

Виѳанія, 3 Февраля 1853 г.

ВОСПОМИНАНІЯ
О КАДЕТСКОЙ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА СЛѢПЦОВА *).

«Душевно благодарю за память обо «мнѣ и за пріятныя воспоминанія юно-«шескихъ лѣтъ. Хотя и давненько раз-«стались мы; но былое свѣжо въ памяти».
(Изъ письма Н. П. Слѣпцова въ 1846 г. къ автору статьи).

Много годовъ протекло послѣ трехлѣтія, къ которому, главнымъ образомъ, относятся эти воспоминанія о Сунженскомъ героѣ; но оно свѣжо въ памяти; оно принадлежитъ къ лучшимъ днямъ моей жизни. и переноситься въ то время — мое наслажденіе. Словно воздушною дымкою обвитый встаетъ предо мною въ отдаленіи свѣтлый, поэтическій образъ моего благороднаго товарища и друга и около него, его же свѣтомъ озаренныя, и потому любезныя для меня, подробности нашего общаго быта. Я люблю ихъ и потому хорошо помню, помню и все болѣе люблю.

Николай Павловичъ Слѣпцовъ былъ мнѣ товарищъ, потомъ пріятель, наконецъ другъ; товарищъ въ дѣтствѣ, пріятель въ юности, искренній и незабвенный и незамѣнимый другъ въ лѣта мужества: онъ былъ сверстникъ мнѣ по лѣтамъ **). Я познакомился съ нимъ въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ (нынѣ Институтъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ).

---

*) Эти воспоминанія писаны въ началѣ 1852 года.

**) Онъ родился въ Декабрѣ 1815 г., я въ Февралѣ 1817 г.

Изъ бывшихъ въ Петербургѣ кто не знаетъ Горнаго Корпуса по его чудному музеуму, въ которомъ собраны образцы всѣхъ богатствъ Сибири, по его интересному примѣрному руднику въ саду, или хоть по его прекрасной колоннадѣ, которою такъ граціозно замыкается при устьѣ Невы, набережная Васильевскаго острова. Въ наше время, кромѣ того, онъ обращалъ на себя общественное вниманіе, какъ училище съ характеромъ переходнымъ отъ прежде преобладавшаго воспитанія въ иностранныхъ пансіонахъ къ новѣйшему воспитанію въ казенныхъ заведеніяхъ. Въ началѣ нынѣшняго славнаго царствованія *) уже сознана была въ обществѣ несостоятельность воспитанія пансіоннаго, однако корпусное воспитаніе, по какому-то предубѣжденію, еще страшило многихъ. Горный Корпусъ представлялъ нѣчто среднее между частнымъ пансіономъ и военно-кадетскимъ корпусомъ. Начнемъ съ наружнаго: у кадетъ были мундиры, но не общаго темно-зеленаго цвѣта, а синіе съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и красной выпушкой; носили они кивера и тесаки на черной портупеѣ, учились и маршировкѣ подъ руководствомъ унтеръ-офицеровъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, но ружей не имѣли. Кадеты раздѣлены были по возрастамъ, но эти отряды назывались не ротами, а отдѣленіями, и самое чиноначаліе было устроено тоже на полувоенную ногу. Начальники всегда ходили въ мундирѣ, но безъ эполетъ, не имѣли ни шарфовъ, ни киверовъ, ни перьевъ на шляпѣ и носили горные или гражданскіе чины. Ниже директора и его помощника, такъ называемаго командира корпуса (оба въ генеральскихъ чинахъ), имѣвшихъ наблюденіе надъ всѣми частями управленія, власть раздѣлялась: ученою завѣдывалъ инспекторъ съ своимъ помощникомъ, воспитательною маркшейдеръ корпуса, въ родѣ баталіоннаго командира, который въ торжественныхъ случаяхъ командовалъ колонною, какъ называли у насъ баталіонъ. Его помощниками были три, какъ бы младшіе штабъ-офицеры, начальника отдѣленій. Въ отдѣленіи было по четыре офицера и въ каждой комнатѣ по унтеръ-офицеру съ помощникомъ. Въ малолѣтнемъ отдѣленіи вмѣ-

---

*) Царствованія Императора Николая Павловича.

сто дежурныхъ офицеровъ были гувернеры изъ иностранцевъ. Правда, что ни эти гувернеры, ни отличные учители не могли произвести въ языкознаніи такихъ успѣховъ, какими отличаются иностранные пансіоны; но и то правда, что какъ языки, такъ и свободныя искусства ни въ одномъ казенномъ заведеніи не процвѣтали такъ, кáкъ въ Горномъ Корпусѣ. Любо было посмотрѣть на собраніе во второй день ежегодныхъ открытыхъ испытаній, въ іюнѣ мѣсяцѣ, производимыхъ въ огромной, прекрасной конференцъ-залѣ среди блистательной публики. Чего тутъ не было? маршированье, фехтованье, балеты, оркестры, хоры, образцы живописи, рѣчи на четырехъ языкахъ. Родители, избранныхъ радовались, разглашали славу заведенія, превозносили успѣхи и порядокъ его отличающіе, говорили о преимуществахъ, какія имѣетъ этотъ корпусъ предъ другими корпусами въ томъ, что сообщаетъ образованіе не только основательное, но — что для многихъ дорого — и свѣтское, а предъ частными пансіонами и въ направленіи и въ нравственномъ надзорѣ. Не мало, конечно, выигрывалъ корпусъ въ общественномъ мнѣніи чрезъ свои великолѣпные маскарадные балы и спектакли, дирижируемые съ необыкновеннымъ искусствомъ почтенною супругою директора, Е. В. Карнеева, Еленою Сергѣевною, а также чрезъ своего командира, молодаго, весьма просвѣщеннаго горнаго генерала Евграфа Петровича Ковалевскаго, который былъ извѣстенъ въ Петербургѣ и, своимъ любезнымъ, благороднымъ характеромъ, имѣлъ отличное вліяніе на духъ начальства и кадетъ. Директоръ Мечниковъ (1817—1824) умѣлъ сообщить корпусу популярность; послѣ него командиръ Ковалевскій умѣлъ доказать, что корпусъ пользуется хорошимъ мнѣніемъ не напрасно. Число своекоштныхъ пансіонеровъ росло поэтому съ каждымъ годомъ. Въ это число попали и мы съ Слѣпцовымъ.

Въ августѣ 1829 г., на тринадцатомъ году моей жизни былъ я помѣщенъ родителями въ это заведеніе. По степени моихъ познаній, опредѣленной на пріемномъ испытаніи, меня назначили въ такъ называемый третій низшій классъ. Всѣхъ классовъ въ корпусѣ было девять: первый, второй и третій низшіе—или приготовительные; первый,

второй, третій и четвертый средніе или гимназическіе и первый и второй верхніе или академическіе, спеціальные классы горныхъ училищъ.

Когда, вслѣдъ за моимъ назначеніемъ, я былъ введенъ въ классную, обширную комнату, обращенную окнами въ садъ примѣрнаго рудника, кадеты уже сидѣли на мѣстахъ въ ожиданіи учителя, и только гулъ ихъ тихихъ разговоровъ носился въ воздухѣ. Отыскивая гдѣ бы мнѣ пріютиться, я пробирался между скамьями синими съ краснымъ кантомъ. Предо мною мелькали дѣтскія лица, изъ которыхъ одно, на задней скамьѣ обратило на себя мое особенное вниманіе, лишь только я съ нимъ поровнялся. Это было прекрасное лицо 13 или 14 лѣтняго мальчика. Въ этой красотѣ не было ничего женственнаго, какъ обыкновенно въ красотѣ дѣтей. Черные, какъ смоль волосы, не повинуясь кадетской прическѣ, разсыпались короткими кудрями и изящно окаймляли овалъ прекраснаго лица, болѣе азіатскаго нежели русскаго. Узкая черная повязка закрывала одинъ глазъ, — но это не мѣшало другому глазу огнемъ своимъ озарять всѣ необыкновенно подвижныя, можно сказать неуловимыя черты этой и въ дѣтскомъ возрастѣ уже замѣчательной физіономіи. Эта подвижность сосредоточивалась въ устахъ, на которыхъ живо отражались всѣ душевныя движенія юноши и которыхъ живая улыбка дышала чистосердечіемъ. Съ довольно замѣтно, но пріятно обозначенныхъ скулъ спускались нѣсколько впалыя щеки, по которымъ подъ общей смуглотой лица, какъ подъ легкимъ облакомъ свѣтъ зари, пробивался румянецъ здоровья. Строгое очертаніе носа съ легкой горбиной, давало лицу его выраженіе серьезной рѣшительности. Легкій, едва замѣтный пушекъ уже отѣнялъ верхнюю губу. Юноша былъ сухощавъ и строенъ, въ его тонкихъ членахъ было замѣтно болѣе признаковъ ловкости, нежели силы. Синяя курта не обтягивала плотно его таліи и нисколько не стѣсняла его движеній, необыкновенно живыхъ и бойкихъ. Мой взоръ упалъ на него въ первый разъ, помнится, въ ту минуту, какъ онъ, ловкимъ движеніемъ руки съ тонкими пальцами, оправлялъ повязку на глазу и чему-то весело смѣялся съ своими сосѣдями. „Слѣпцовъ“ раздалось за

мною, и въ то же мгновенiе смѣющiйся мальчикъ, котораго наружность я описываю, быстро оборотилъ голову на мою сторону и между нимъ и тѣмъ, кто назвалъ его по имени, завязался разговоръ прервавшiйся кажется приходомъ учителя.

Вотъ моя первая встрѣча съ Слѣпцовымъ. Съ тѣхъ поръ 22 года прошло, но я словно теперь гляжу на него. Такъ сильно было это первое впечатлѣнiе, замѣчательное по тому особенно, что не было оно произведенiемъ случайности, а какъ бы результатомъ нѣсколькихъ лѣтъ моей внутренней жизни. Тогда въ этомъ новомъ еще незнакомомъ товарищѣ, я уже чаялъ найдти идеалъ своей отроческой души.

Я родился и воспитывался въ Петербургѣ, жилъ въ родительской семьѣ, гдѣ русское гостепрiимство было отличительной чертой и гдѣ поэтому всегда было людно, учился въ англiйскомъ, потомъ въ французскомъ пансiонѣ также среди многолюдства; но велъ я себя, не знаю вслѣдствiе какихъ причинъ, какъ-то изолировано. Изъ пансiона, если меня не удерживали послѣ класса любимыя военныя игры, я летѣлъ домой въ свою отдѣльную комнатку; въ ней проводилъ почти все мое время за уроками, за рисованiемъ ландшафтовъ и боевыхъ коней, или за чтенiемъ миньятюрныхъ англiйскихъ книжекъ, за которыми я рано повредилъ свое зрѣнiе. Моими домашними увеселенiями были въ лѣтнее время одинокiя и какiя-то фантастическiя игры въ саду; зимою, въ томъ же саду, среди засыпанныхъ снѣгомъ деревьевъ, катанье, также уединенное съ ледяной горы, особенно на зарѣ и въ лунныя ночи. По воскресеньямъ и праздникамъ благочестивая вдова, моя крестная мать и благодѣтельница водила меня къ обѣднѣ на Псковское подворье и ставила подъ образомъ Воскресенiя Христова, передъ сѣверными дверями, чтобы я могъ видѣть всю торжественность архiерейскаго служенiя. Въ эти дни вывозили меня въ блистательныя вечернiя собранiя, гдѣ я знакомился съ лучшимъ столичнымъ обществомъ, брали въ театръ, на гулянья; но вездѣ я чувствовалъ себя какъ-то одиноко, даже если и вовлекался въ общее движенiе. Поэтому болѣе живое и прiятное впечатлѣнiе производили на меня уединенныя прогулки съ моимъ покойнымъ родителемъ по глухимъ улицамъ Васильевскаго острова,

приводящимъ ко взморью и устью Невы, или семейныя поѣздки въ Сергіеву пустынь и тамъ опять уединенное бѣганье по липовымъ аллеямъ Стрѣльны, или по песчанымъ холмамъ прибрежій Финскаго залива, также разговоръ на гауптвахтѣ съ моими любимцами солдатами лейбъ-гвардіи Уланскаго полка, которыхъ алыя шапки на бекрень, широкіе лампасы и бренчащія сабли совершенно овладѣвали моимъ воображеніемъ. Но что доставляло особенное наслажденіе, что оставило во мнѣ глубокую печать—это чтеніе рыцарскихъ романовъ. Разумѣется этихъ книгъ не давали мнѣ въ руки. Онѣ не выходили изъ матушкиной спальной, гдѣ происходило чтеніе ихъ въ поздніе часы зимнихъ вечеровъ; когда насъ дѣтей отпускали на покой. Но было время, когда кроваткѣ моей случилось помѣститься подлѣ маменькиной спальни. Не было хитрости, которой бы я не употреблялъ для того, чтобы вслушиваться въ чтеніе и между тѣмъ показать видъ, что сплю беззаботно. Герои романовъ, храбрые, блистательные рыцари въ шлемахъ съ страусовыми перьями, съ голубыми шарфами черезъ плечо и мечами съ крестовидною рукоятью и пажи ихъ, кудрявые юноши въ бархатныхъ туникахъ — будущіе герои, кружили мнѣ голову, ихъ образы, ихъ чудныя дѣянія уносили меня изъ потемокъ, окружавшихъ мою дѣтскую кроватку въ міръ давно прошедшій, въ самой дѣйствительности своей фантастичный и для меня, въ то время, тѣмъ болѣе заманчивый, что никогда не удавалось мнѣ слышать этихъ повѣстей въ ихъ цѣлости, а все отрывками. Такъ какъ книги, въ которыхъ дѣйствовали такіе прекрасные великодушные люди, были для меня запрещеннымъ плодомъ, то я и привязался къ нимъ, къ этимъ рыцарямъ и пажамъ, какъ къ друзьямъ, съ которыми меня разлучаютъ, и съ сердечнымъ трепетомъ ожидалъ съ самаго утра блаженныхъ часовъ поздняго зимняго вечера, какъ условленнаго часа запрещеннаго свиданія съ другомъ. Я старался въ это время догадаться, что они дѣлаютъ съ тѣхъ поръ какъ я разстался съ ними; мнѣ казалось, что и они нетерпѣливо меня ожидаютъ, что я одинъ изъ ихъ благороднаго общества, что они наблюдаютъ за моими поступками и, чтобы быть достойнымъ ихъ любви, я усиливалъ свои труды ученическіе и искалъ слу-

чаевъ къ смѣлымъ поступкамъ. За прилежаніе получалъ я похвалы; но за эти смѣлые поступки, какъ бы начатки рыцарскихъ подвиговъ,— за обращеніе съ порохомъ, за похожденія въ стойлахъ рѣзвыхъ лошадей, за лазаніе по баркамъ на рѣкѣ, за похищеніе моихъ маленькихъ сосѣдокъ-сверстницъ, которыхъ я уводилъ быть свидѣтельницами моихъ подвиговъ, бывалъ я въ крайнихъ опасностяхъ; но я на все былъ готовъ лишь бы понравиться моимъ воображаемымъ героямъ покровителямъ. Непродолжительно было мое сосѣдство съ комнатой, въ которой происходило это увлекательное чтеніе; но продолжительно и глубоко было впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ предпочтительно сталъ я заниматься историческими науками, полюбилъ входить во внутренній бытъ народовъ, въ домашнюю жизнь героевъ исторіи. Тогда начали меня плѣнять готическіе своды, башенки, цвѣтные узорчатые окна, тогда же получилъ я отвращеніе къ современной общипанной одеждѣ и склонность къ сельской жизни среди полей, лѣсовъ, горъ и широкихъ водъ. Мало по малу складывалась въ моемъ воображеніи неясная мозаика какого-то міра особеннаго, не чисто романнаго, но и не совсѣмъ похожаго на дѣйствительный, среди котораго я жилъ. Этотъ міръ я населялъ людьми, которые тоже не подходили подъ общую мѣрку, хоть и не ясно представлялъ я ихъ. Мнѣ казалось: будь около меня такіе люди, жизнь общественная станетъ для меня любезною, я брошу для нея свое уединеніе. У меня, однимъ словомъ, сталъ образовываться по романамъ, легендамъ и стариннымъ хроникамъ идеалъ товарища юноши, котораго я готовъ былъ сдѣлать своимъ героемъ. Я искалъ между сверстниками характера, на который бы перенести всѣ мои понятія о достоинствахъ юноши, готовящагося быть рыцаремъ, искалъ характера предъ которымъ могъ бы преклониться, какъ паладинъ преклоняется предъ царицею турнира, или какъ преданный вассалъ предъ своимъ знаменитымъ и полновластнымъ сузереномъ и — я не находилъ. Много было отличныхъ юношей между товарищами, но кто не имѣлъ мужества или благородства въ характерѣ, кто ума, или качествъ физическихъ—красоты и силы. Между тѣмъ, вслѣдствіе даже этихъ неудачъ, путемъ, такъ сказать, отрицательнымъ, идеалъ мой

выросталъ и обозначился яснѣе, а существенность, естественно, отъ него все болѣе отставала, такъ что наконецъ, товарищи, и самъ я для себя, казались уже слишкомъ тривіальны: я почти презиралъ и ихъ, и себя. Дѣтская душа моя была въ сильномъ напряженіи и вотъ на кадетской скамьѣ Горнаго Корпуса мелькнуло предо мною лицо, въ которомъ такъ и свѣтились всѣ лучшія черты моего идеала.

Мнѣ такъ понравился открытый благородный видъ этого маленькаго брюнета съ черной повязкой на глазу *), что лучшею моею мечтой сдѣлалось — подружиться съ нимъ и на первый разъ я былъ очень доволенъ тѣмъ, что онъ у меня за спиной и мнѣ стоило оборотиться, чтобы любоваться имъ или прислушиваться къ его рѣчамъ, всегда быстрымъ и часто острымъ и по временамъ вступать съ нимъ въ разговоръ. Впрочемъ въ началѣ я не рѣшался говорить съ нимъ, потому что не удостовѣрился въ его фамиліи. Мнѣ казалось, что его зовутъ не Слѣпцовъ, а Слѣпецъ въ шутку, такъ какъ у него былъ завязанъ больной глазъ. Это недоумѣніе впрочемъ скоро прекратилось. Я помѣщенъ былъ въ тотъ самый нумеръ, въ которомъ жилъ и Слѣпцовъ и самъ прочиталъ надъ его кроватью надпись: „своекоштный пансіонеръ Слѣпцовъ“. Сосѣди въ классѣ, жильцы одной комнаты, мы конечно скоро ознакомились. Я узналъ, что онъ племянникъ одного короткаго знакомаго моихъ родителей и къ нему ходитъ въ отпускъ по праздникамъ. Это дало надежду, что мечты мои осуществятся и я наконецъ сближусь дружески съ этимъ товарищемъ, въ которомъ все болѣе и болѣе раскрывались для меня черты моего идеала.

Дѣйствительно, моя надежда скоро осуществилась. Я съ нимъ сблизился. Во время отпусковъ онъ сталъ посѣщать меня въ домѣ родителей, которымъ я представилъ его какъ родственника ихъ пріятеля; иногда онъ проводилъ у насъ сряду по нѣскольку дней и, къ довершенію моего удовольствія начальство распорядилось поставить мою кровать подлѣ его кровати и дать намъ общій комодъ. Въ дѣтскихъ

*) Въ то время у него болѣлъ глазъ.

мечтахъ своихъ воображалъ я себя Патрокломъ избраннаго мною Ахиллеса. Это удивленіе ко всѣмъ его поступкамъ, которые въ глазахъ моихъ дѣлали его героемъ, доходило до того, что надо мною иногда смѣялись и въ корпусѣ и дома; а я на всѣ насмѣшки надъ этою привязанностію, отвѣчалъ только: „смѣйтесь, а Слѣпцовъ пойдетъ дальше насъ всѣхъ“. Если случалось, что изъ за него завязывался у меня споръ съ товарищами и, если въ этомъ спорѣ я не могъ осилить противниковъ ни словомъ, ни дѣломъ; то удалялся съ крайнимъ прискорбіемъ и съ твердымъ намѣреніемъ пристыдить ихъ при случаѣ за несправедливые отзывы о моемъ героѣ. Разумѣется мнѣ это удавалось почти всегда, такъ какъ Слѣпцовъ отлично учился, былъ удалецъ и потому никогда не заставлялъ за себя краснѣть. Эта въ ребенкѣ странная привязанность къ товарищу, заставлявшая меня такъ дорожить его репутацiей, побуждала меня съ одной стороны, слѣдить за всѣми его дѣйствіями и изучать его натуру, съ другой дѣлала меня слишкомъ взыскательнымъ въ пріязни, можно сказать, ревнивымъ къ нему. Мнѣ все казалось, что онъ недовольно внимателенъ ко мнѣ и какъ скоро замѣчалъ, что онъ сближается съ другими, я уже ревновалъ его и чувствовалъ себя одинокимъ и никакъ не могъ успокоиться пока не получалъ отъ него новыхъ доказательствъ пріязни. Каждое изъ такихъ доказательствъ приводило меня въ восторгъ. По тѣлу моему пробѣгалъ трепетъ удовольствія, спиралось дыханіе въ груди и дрожалъ голосъ, когда въ веселый часъ подбѣгалъ онъ ко мнѣ и съ своею живою радушною улыбкою предлагалъ идти вмѣстѣ со двора (въ отпускъ на праздникъ), или среди занятій, когда они идутъ успѣшно, быстро обращалъ ко мнѣ блещущее удовольствіемъ, доброе и прекрасное лицо и начиналъ шутливый разговоръ, и если я не вдругъ отвѣчалъ его веселости, тотчасъ спрашивалъ не сержусь ли я на него, или — по возвращеніи изъ отпуска, въ воскресный вечеръ, разсказывалъ, ложась въ постель, какъ проводилъ время за корпусомъ. Я вмѣнялъ себѣ въ славу пользоваться знаками его расположенія въ глазахъ товарищей, я щеголялъ его пріязнію; но этого не слѣдуетъ приписывать одному ребяческому тщеславію. У меня въ числѣ близкихъ

были пріятели изъ лучшихъ воспитанниковъ, самъ корифей нашего класса Б. Я любилъ ихъ съ искренностію, дорожилъ пріязнію; но требовалъ взаимности и все мое стараніе къ сохраненію добрыхъ отношеній съ ними ограничивалось тѣмъ, что я не подавалъ случая къ разрыву. Но къ Слѣпцову я держалъ себя въ какомъ-то страдательномъ положеніи. Я былъ привязанъ къ нему всей душой и хотѣлъ, чтобъ онъ угадалъ мою привязанность; но никогда не рѣшался я сказать: какъ я люблю тебя товарищъ. Слово „другъ", которымъ мы привѣтствовали другъ друга въ мужескомъ возрастѣ было въ первый разъ имъ произнесено, и я никогда не смѣлъ вѣрить чтобъ онъ любилъ меня такъ, какъ любилъ дѣйствительно. Мнѣ казалось, что онъ очень снисходителенъ, если терпитъ меня. Если мнѣ представлялось, что онъ холоденъ ко мнѣ (чего никогда не бывало); то какъ ни тяжело это подозрѣніе падало мнѣ на сердце, я оправдывалъ товарища и сожалѣлъ о себѣ. Я сравнивалъ его способности съ моими, видѣлъ въ немъ дарованія чрезвычайныя, въ себѣ—самыя обыкновенныя, бралъ въ расчетъ различіе нашихъ нравственныхъ наклонностей: онъ былъ необыкновенно живъ и общителенъ, я предрасположенъ къ тишинѣ и уединенію. Впрочемъ Слѣпцову легко было сдѣлать изъ меня все. Онъ занимался всѣмъ сколько ему хотѣлось, я занимался лишь тѣмъ, что мнѣ нравилось, но прилежно; однако ему стоило поощрить меня чтобъ и нелюбимымъ предметомъ занялся я усердно; я не былъ живъ и разговорчивъ, но не было ничего легче, какъ Слѣпцову вызвать меня къ веселости и тогда я вспыхивалъ всею силою молодой жизни. Признавая эту дѣйствительную между нами разницу и преимущества Слѣпцова, я готовъ былъ всегда даже преувеличить эту разность, лишь бы то служило къ оправданію и возвышенію Слѣпцова. Мнѣ горько было думать, что я недостоинъ его дружбы, что напрасно къ ней стремлюсь, что онъ нашелъ товарищей достойнѣйшихъ и предпочитаетъ ихъ; но и въ этомъ случаѣ для меня источникомъ утѣшенія была сущность моей собственной привязанности къ нему, которая едва не дѣлала изъ него идола, котораго бы я обожалъ ничего себѣ не требуя. Отъ мнимыхъ этихъ препятствій моя привязанность, усиливаясь, дѣ-

лалась какъ-то поэтичнѣе, восторженнѣе. Понятно же послѣ этого, что всякій оказанный имъ знакъ дружескаго ко мнѣ вниманія, близости, предпочтенія совершенно счастливилъ меня, я торжествовалъ, былъ внѣ себя отъ удовольствія, готовъ былъ отъ избытка чувства дѣлиться своею радостію съ другими и тутъ-то иногда смѣялись надо мною.

Такъ продолжалось во все время моего трехлѣтняго пребыванія въ корпусѣ. Объ этихъ дѣтскихъ чувствахъ моихъ къ Слѣпцову я долженъ упомянуть, чтобы указать на причины, побудившія меня изучить его характеръ и на то, какую силу имѣла въ себѣ эта, еще не раскрывшая своихъ способностей душа. Если и тогда не излишне обращать вниманіе на первый возрастъ людей, когда раскрывались ихъ силы душевныя неравномѣрно и неправильно: такъ-какъ этотъ недостатокъ непремѣнно отпечатлѣвается и на позднѣйшихъ періодахъ жизни человѣка; то совершенно необходимо вниманіе къ первоначальнымъ проявленіямъ силъ духовныхъ въ томъ случаѣ, когда это раскрытіе совершается правильно, и характеристика лица слагается съ постепенностію и ровностію изъ основныхъ своихъ началъ; а характеръ Слѣпцова сложенъ именно съ этою правильностію и постепенностію. Я могу указать сколько поможетъ мнѣ память на всѣ тѣ черты, которыя составляли основу характера геніальнаго молодаго генерала въ ихъ зародышѣ. Его дѣла и его жизнь на Кавказѣ показываютъ въ немъ человѣка, вседушевно преданнаго своему служенію, способному въ высшей степени, ему приписываютъ магическое дѣйствіе на сердца людей, рыцарскую храбрость, великодушіе, рѣдкое присутствіе духа, благотворительность, набожность: все это было въ немъ кадетѣ Горнаго Корпуса.

Была замѣтна въ немъ какая-то мудрость, можно сказать, съ которою съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ управлялъ собою и какъ будто бы приготовлялъ себя къ тому, что сдѣлалось впослѣдствіи его призваніемъ. Другіе назовутъ это инстинктомъ чистой и возвышенной души, но я не могу скрыть, что вижу въ этомъ особенное внушеніе благодати Божіей, державшей его, какъ птенца, подъ крыломъ своимъ. Его отдали въ Горный Корпусъ не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать его горнымъ чиновникомъ, однакожъ и не указали ему никакой опредѣленной цѣли, какъ

другимъ своекоштнымъ пансіонерамъ указывали ихъ родители приготовленіе къ университету или къ службѣ военной. Это однакожъ ни мало не стѣсняло его. Его отдали въ корпусъ учиться, и онъ учился всему, что преподавалось, съ одинаковымъ стараніемъ, хоть, повторяю, не столько, сколько позволяли ему способности, между тѣмъ, какъ товарищи его „своекоштные", занятые мечтами о своей будущности, если и занимались усердно, то лишь тѣми предметами, которые могли быть полезны для экзамена въ университетъ или въ какое нибудь военное училище. Отъ этого у нихъ образованіе элементарное было не полное и эта недоконченность у большей части изъ нихъ осталась замѣтною навсегда. Недостатки специальности пріобрѣтаемой обыкновенно въ лѣтахъ болѣе зрѣлыхъ, могутъ быть искусно скрыты, или исправлены, а недостатки общаго элементарнаго образованія, пріобрѣтаемаго въ раннемъ возрастѣ, остаются съ нами какъ слѣды оспы и часто бросаются въ глаза стороннимъ людямъ. У Слѣпцова этого не было. Онъ оставался въ корпусѣ долѣе всѣхъ своихъ товарищей „своекоштныхъ". Въ продолженіи шести лѣтъ отъ 1828 до 1834 г. онъ прошелъ два низшіе и всѣ средніе классы. Не смотря на то, что будущность его стала проясняться и военная служба представлялась ему какъ будущее его поприще, и что товарищи его шли впередъ и нѣкоторые, перешедшіе въ юнкерскую школу, близки были къ тому, чтобы надѣть мундиръ гвардейскаго офицера, — Слѣпцовъ учился. Когда указывали на это бывшіе камрады, онъ обыкновенно отвѣчалъ: „Ваше при васъ, а мое при мнѣ" потомъ прибавлялъ шутя: „вѣдь я васъ обгоню, потому что я буду умнѣе васъ и меня возмутъ въ адъютанты". Надобно впрочемъ сказать, что, при блистательныхъ своихъ способностяхъ, онъ хотя и былъ въ числѣ лучшихъ учениковъ, но въ числѣ первыхъ никогда не былъ. Онъ занимался науками какъ будто шутя. Пока бывало учитъ урокъ, то и не подходи къ нему. Въ серьезномъ ли или веселомъ онъ расположеніи духа все равно прогонитъ. Но это углубленіе было не продолжительно. Онъ старался усвоить себѣ сущность дѣла, а о буквальности не заботился; а такъ какъ въ наше время у нѣкоторыхъ наставни-

ковъ буквальность играла важную роль, то и немудрено, что ученики, съ меньшими дарованіями, но съ большею усидчивостію, стояли выше его въ спискахъ. Надобно и здѣсь отдать справедливость его такту. Гдѣ буквальное изученіе необходимо, онъ былъ буквалистомъ не хуже другихъ. Напримѣръ, пространный катихизисъ, написанный языкомъ столь точнымъ и опредѣленнымъ, онъ всегда изучалъ буквально; почему и былъ назначаемъ къ отвѣтамъ на публичныхъ испытаніяхъ по классу закона Божія. Грамматикальное изученіе языковъ также не было имъ пренебрежено, такъ что строгій цѣнитель знаній и самъ отличный знатокъ латинскаго языка Н. Ѳ. Бѣлюстинъ, проэкзаменовавъ Слѣпцова, сказалъ ему: „хотя, господинъ, фамилія твоя провозглашаетъ тебя Слѣпцомъ, но въ латинскомъ языкѣ, ты, господинъ, зрячь“. Обстоятельство тѣмъ болѣе достохвальное для Слѣпцова, что изъ тѣхъ своекоштныхъ пансіонеровъ, которые мѣтили „въ военные“, почти никто не учился по латинѣ и когда перешли мы въ классъ, гдѣ Н. Ѳ. былъ уже не экзаменаторомъ, а наставникомъ, этихъ неучащихся обыкновенно отсаживали на заднюю скамью, куда наставникъ отправлялъ и лѣнивыхъ учениковъ своихъ. Однимъ словомъ: Слѣпцова знали всѣ какъ прекраснаго ученика, но онъ никогда не выставлялся. Хотя и получалъ онъ наградныя книги за успѣхи, но зная его скажу смѣло, что онъ учился не для наградъ и не изъ соревнованія. Онъ дорожилъ похвалами, но ничего не дѣлалъ изъ похвалъ. Это сообщало всѣмъ его поступкамъ необыкновенную свободу. Онъ и тогда могъ сказать искренно то, что впослѣдствіи писалъ мнѣ на вопросъ свободенъ ли онъ, чтобъ раздѣлить сомною вечеръ: „я въ караулѣ„ —былъ его отвѣтъ, „но я свободенъ“. Дѣйствительно не было положенія, въ которомъ бы онъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ. Отъ этого происходило, что никогда никто не слыхалъ въ рѣчахъ его жалобнаго тона. Какъ бы ни страдалъ онъ тѣломъ или душою, онъ скрывалъ свое страданіе или выражалъ его отрывисто, словомъ нетерпѣливости, мимолетной досады, но отнюдь не словомъ жалобнымъ и не воздыханіемъ. Нужны были многіе годы горькой опытности и удары грозныхъ бѣдствій, чтобы извлечь у него нѣчто похожее на

стонъ, что слышится въ его письмахъ послѣднихъ годовъ его жизни. Между тѣмъ имѣлъ онъ сердце очень нѣжное, впечатлительное и не закрывалъ его, несносною во многихъ, маскою холоднаго спокойствія. Все возвышенное, благородное, все достойное участія было близко душѣ его. Въ книгѣ ли встрѣтитъ онъ возвышенную мысль, самъ ли говоритъ о какомъ благородномъ подвигѣ, слушаетъ ли правдивый разсказъ о чьей нибудь бѣдственной судьбѣ, глаза его сдѣлаются влажны и онъ хотя поспѣшно утретъ слезу, но не постыдится этой слезы. Тоже самое дѣйствіе производило въ немъ досада и чувство справедливаго негодованія. Но все это было такъ естественно, такъ чуждо всякаго жеманства и сентиментальности, что никому особенности его не бросались въ глаза и не близкіе къ нему видѣли въ немъ только умнаго и веселаго шалуна, такъ что инымъ казалось будто они дадутъ полное понятіе о Слѣпцовѣ, если назовутъ его „Слѣпцовъ сорви голова“. — Но кто былъ къ нему ближе, тотъ зналъ, что Слѣпцовъ вовсе не былъ беззаботнымъ и забавникомъ. Обыкновенно расположеніе его было серьезное; онъ и тогда уже обнаруживалъ склонность къ задумчивости и какой нибудь глупый фарсъ или приторное участіе не только не могли его развеселить, но или причиняли ему досаду, или вызывали у него саркастическую улыбку, такъ какъ вообще потворствовать глупости, низости и надутымъ претензіямъ онъ былъ вовсе неспособенъ. Онъ не скоро забывалъ о нихъ при всемъ своемъ добродушіи, а это добродушіе въ немъ было примѣрно. Случилось ли во время разговора встрѣтить ему сильное и жестокое противорѣчіе, онъ вспыхнетъ и молча слушаетъ оппонента, чело хмурится, каріе глаза его искрятся отъ нетерпѣнія, нижняя губа полнѣетъ и какое-то судорожное движеніе обнаруживается во всемъ его тѣлѣ; но лишь произнесено послѣднее слово, въ которомъ ясно, что Слѣпцовъ несправедливъ въ своемъ мнѣніи или поступкѣ, онъ мгновенно измѣняется въ лицѣ и звонкимъ смѣхомъ торжествуетъ побѣду надъ самимъ собою. Нельзя себѣ представить какимъ благодатнымъ свѣтомъ озарялось въ эти минуты его лицо; улыбка играла во всѣхъ его чертахъ. Не помню ужь теперь выраженія его устъ; но по тому, что въ эти

минуты нельзя было оторваться отъ его взоровъ: такая была въ нихъ ясность и увлекательно добродушная веселость. Тотъ, кому удавалось открыть ему такимъ образомъ правду, могъ разчитывать на его уваженіе, довѣріе и преданность. Этому довѣрію и преданности къ избраннымъ онъ не зналъ предѣла. Для добраго товарища онъ готовъ былъ на все, кромѣ низости. Простая встрѣча съ нимъ тотчасъ проясняла его лицо и вызывала какое нибудь веселое слово.

Мудрено ли, что столь открытый, независимый духъ внушалъ къ нему довѣренность, привлекалъ молодыя сердца. Всѣ уважали, многіе любили его, а нѣкоторые были привязаны къ нему безгранично. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и я съ первыхъ минутъ знакомства съ нимъ. Что-то магическое было въ немъ, чѣмъ онъ привязывалъ къ себѣ людей и властвовалъ надъ ними.

Въ Горномъ Корпусѣ, въ наше время, были съ низшаго до среднихъ классовъ аудиторы, т. е, отборные ученики—помощники учителя. Къ каждому приписано было по нѣскольку учениковъ, которые назывались слушающимися. Обязанность аудитора состояла въ томъ, чтобы послѣ класса протолковать своимъ подчиненнымъ все сказанное учителемъ въ классѣ, а предъ слѣдующимъ классомъ спросить ихъ и, смотря по степени знанія, дать рекомендацію въ спискѣ, который представлялся наставнику.

Былъ у насъ товарищъ, Р—чъ, человѣкъ талантливый, добрый, но довольно упорный, какъ малороссъ, и не безъ сознанія своихъ достоинствъ, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ и аудиторъ по математикѣ,—что у насъ значило много, такъ какъ математика считалась главнымъ предметомъ. Слѣпцовъ былъ также аудиторъ по математикѣ, но въ спискѣ стоялъ, помнится, ниже Р—ча. Они жили въ одной комнатѣ. Такъ какъ Слѣпцовъ сидѣвшій обыкновенно на задней скамьѣ, не всегда усердно слушалъ лекцію; то, наканунѣ слѣдующаго математическаго класса, обыкновенно обращался къ Р—чу съ просьбою, которая больше походила на строгое требованіе: „Р—чъ, когда станешь показывать? (техническій кадетскій терминъ—значило: протолковывать урокъ)“—„Сейчасъ послѣ вечерняго класса“.—

„Нѣтъ, я также стану у тебя слушать, а мнѣ въ 6 часовъ нельзя: фехтовальный классъ, а встань-ко ты завтра въ четыре часа и разбуди меня". И чтожъ бы вы думали? Р—чь, человѣкъ совершенно независимый отъ Слѣпцова и не принадлежащій къ числу самыхъ близкихъ его пріятелей, не прекословитъ; приказываетъ дневальному солдату разбудить себя, встаетъ, разумѣется, съ великою неохотою, обувается, накидываетъ одѣяло на плеча, дрожитъ отъ утренней прохлады и идетъ будить Слѣпцова. Тотъ отнѣкивается, сердится, Р—чь его уговариваетъ и наконецъ Слѣпцовъ поднимаетъ голову. Между тѣмъ нѣсколько человѣкъ слушающихъ у Р—ча уже стоятъ съ аспидными досками въ рукахъ. — „Ну садись Р—чь, показывай, я слушаю", — говоритъ Слѣпцовъ, слегка приподнявъ голову съ подушки. Р—чь и его подчиненные усаживаются кое-какъ около комодца. Начинается дѣло; но въ эту минуту Слѣпцовъ вспоминаетъ о своихъ слушающихся и велитъ Р—чу остановиться и иногда дѣлаетъ ему выговоръ, зачѣмъ забылъ его слѣпцовскихъ слушающихся, иногда просто посылаетъ за ними. Пока посланный ходитъ по комнатамъ, будить и сбирать ихъ, Слѣпцовъ склоняется на подушку и засыпаетъ. Еще не брежжетъ свѣтъ въ окно. При томномъ лучѣ стѣнной лампы, можно различать по кроватямъ кругомъ комнаты причудливыя складки бѣлыхъ байковыхъ одѣялъ, подъ которыми, свернувшись въ клубокъ отъ предутренней прохлады, пользуются товарищи послѣдними сладкими часами сна. Все мертвотихо въ дортуарахъ, слышно лишь общее дыханіе множества спящихъ; да, время отъ времени, сонные шаги дневальнаго солдата, который хочетъ поправить погасающую лампу или сбитое одѣяло. Общество полуодѣтыхъ математиковъ, собравшихся около спящаго Слѣпцова представляетъ самый жалкій видъ: все окружающее такъ располагаетъ ко сну, что математическій классъ, какъ онъ ни грозенъ, кажется отдѣленъ отъ настоящей минуты непроходимою пропастью и еслибъ не присутствіе аудитора со строгими черными бровями, то всѣ разбрелись бы по койкамъ: глаза такъ и смыкаются, головы невольно падаютъ на столъ. Подъ этимъ обаяніемъ находится и Р—чь; но онъ

помнитъ свою обязанность и досадуетъ только, что поддался влiянiю Слѣпцова и отложилъ занятiе съ вечера до такого неудобнаго времени, однакожъ онъ ожидаетъ прибытiя „слѣпцовскихъ“ и, теряя терпѣнiе, уходитъ торопить лѣниво встающихъ. Вотъ наконецъ всѣ собрались, усѣлись, урокъ возобновляется. Прелесть утренняго сна и близость подушки опять искушаетъ Слѣпцова и онъ опять засыпаетъ. Р—чь оскорбясь какъ бы не обращаетъ на это вниманiя и продолжаетъ урокъ. Проходитъ четверть часа, Слѣпцовъ встрепенулся, открываетъ глаза и слегка, однакожъ съ негодованiемъ бьетъ Р—ча по спинѣ за то, какъ смѣлъ допустить его до сна и заставляетъ повторить все пройденное въ эту четверть часа, а иногда весь урокъ. Р—чь, разумѣется, сердится, но исполняетъ требованiе; потомъ Слѣпцовъ какъ нибудь успокоитъ его, иногда чѣмъ нибудь разсмѣшитъ его, иногда скажетъ: „ну прости, не сердись“. Все забыто и на слѣдующiй разъ та же самая исторiя. Дѣйствуя съ такою силою на отдѣльныя лица, онъ легко преклонялъ къ себѣ и волю общества. И у дѣтей свои счеты. Около лучшаго ученика обыкновенно собирается кучка преданныхъ ему людей, отъ которыхъ ему дань уваженiя, услужливости и гостинцевъ. Эминентъ нашего класса съ хорошими способностями, отличался необыкновеннымъ прилежанiемъ и съ такою точностiю, что когда однажды сдѣлалъ онъ ошибку во французскомъ урокѣ, наставникъ *) сказалъ: „не можетъ быть чтобы Б. ошибся, вѣрно книга учебная ошиблась“ — взглянулъ въ книгу и точно тамъ была ошибка. Онъ пользовался поэтому необыкновенною славою въ нашемъ муравейникѣ. Его безпрестанно ставили другимъ въ примѣръ, осыпали похвалами, награждали, рекомендовали посѣтителямъ. Разумѣется около него была большая толпа преданныхъ людей изъ хорошихъ и довольно хорошихъ учениковъ. Слѣпцовъ былъ съ нимъ довольно хорошъ но, разумѣется, не показывалъ ему никакой особенной преданности и держалъ себя такъ, что Б. обходился съ нимъ очень почтительно. Это нравилось многимъ, которые не хотѣли пристать къ Б., или были имъ

---

*) Вихманъ.

отвержены, и около Слѣпцова образовалась скоро другая партія особеннаго характера: она была немногочисленна, состояла изъ учениковъ хорошихъ, но такихъ, которые увлекались болѣе блескомъ характера и энергіею физической силы, нежели знаменитостью учебною. Это раздѣленіе стало дѣлаться постепенно замѣтнѣе, дошло до разрыва и партіи Б. приходилось худо. Слѣпцовъ съ своими кліентами сидѣлъ на задней скамьѣ амфитеатра и съ высоты наблюдалъ за всѣми движеніями противной партіи; ничего не оставлялъ безъ вниманія и осыпалъ ее градомъ остротъ и насмѣшекъ. Въ этомъ оружіи никто съ нимъ не ровнялся. Между тѣмъ его кліенты готовые ему на всякую услугу изъ предупредительности невсегда расчетливой, иногда навлекали ему хлопоты; потому что не оставляли безъ наказанія своихъ противниковъ, которые были посмѣлѣе на языкъ, а эти жаловались начальству. Дѣло дошло до того, что приверженцамъ Б. казалось опасно ходить по одиночкѣ въ коридорахъ: напрасный страхъ при томъ отличномъ надзорѣ, который всегда былъ надъ нами. Дальше дѣло идти не могло безъ того, чтобъ не приняло участіе начальство и потому вражда прекратилась не помню чѣмъ, но помню что поверхность была на сторонѣ удальцовъ, т. е. на сторонѣ Слѣпцова. Хотя впослѣдствіи не было у него такой плотной партіи, однако всегда около него замѣтны были люди изъ всѣхъ учебныхъ разрядовъ, даже изъ различныхъ классовъ. Съ нимъ не легко было подружиться. Онъ былъ разборчивъ; никогда не протягивалъ руки товарищу, котораго подозрѣвалъ въ трусости, лукавствѣ, низости, или надменности. Въ его глазахъ не искупали этихъ недостатковъ никакія достоинства. Напротивъ, безъ труда снискивалъ его расположеніе тотъ, кто былъ извѣстенъ ему по благородству и возвышенности духа, по удальству или хоть по незлобію и простотѣ души. Но и тому, кто былъ съ нимъ на короткой ногѣ нужно было имѣть много кротости и такта, чтобы сохранить связь.

Онъ былъ взыскателенъ въ пріязни и какъ-то мнителенъ, что, при вспыльчивости его, могло легко довести до разрыва. За то онъ былъ снисходителенъ и терпѣливъ къ испытаннымъ друзьямъ. Онъ

не отставалъ отъ нихъ пока они отъ него не отставали и нѣкоторымъ благотворилъ, когда по выходѣ изъ корпуса имѣли они нужду въ помощи; по крайней мѣрѣ я зналъ такихъ, которые по его просьбѣ были приняты на хорошія мѣста въ министерство, гдѣ дядя его былъ вице-директоромъ. Случалось, что и съ нѣкоторыми изъ этихъ близкихъ къ нему людей возникали у него по временамъ ссоры. Слѣпцовъ, добрый и веселый, вспыхивалъ какъ порохъ. Въ такомъ случаѣ немедленно назначалось мѣсто и вотъ, если противникъ умѣлъ фехтовать, то устроивался поединокъ въ фехтовальномъ классѣ: бились на рапирахъ или эспадонахъ; если же не умѣлъ, то въ темномъ глухомъ коридорѣ два врага сходятся, начинается борьба. Силою Слѣпцову не взять, то онъ беретъ своею необыкновенною быстротою и ловкостью. Впрочемъ, какъ бы ни кончился поединокъ, Слѣпцовъ протягивалъ руку врагу, все въ минуту забыто и стаканомъ горячаго сбитня торжествуется примиренье двухъ рыцарей. Эти минуты вспыльчивости не оставляли въ немъ никакихъ слѣдовъ; злопамятности въ немъ вовсе не было. Низости и коварства не забывалъ онъ, но для того только, чтобъ взять противъ нихъ надлежащую осторожность. Вспыльчивость была слабостью его: надобно было щадить его въ это время и не раздражать ни упорствомъ, ни малодушіемъ: первое возбуждало въ немъ гнѣвъ, а второе презрѣніе. И то, и другое онъ страшно вымѣщалъ. Вотъ примѣръ, какъ легко онъ воспламенялся.

У него были свои причуды. Онъ не любилъ, между прочимъ, чтобъ слишкомъ громко произносилось его имя и особенно не терпѣлъ словъ: „демидовецъ, школяръ, битка“. Надобно знать, что Слѣпцовъ воспитывался нѣкоторое время въ Демидовскомъ Лицеѣ и перейдя въ Горный Корпусъ, разсказывалъ товарищамъ о своихъ похожденіяхъ, какъ лазалъ по баркамъ, игралъ въ бабки и проч. По этому его прозвали биткою, школяромъ, демидовцемъ. Въ добрый часъ это проходило, но въ недобрый приходилось поплатиться отважному.

Ужъ произведена была перекличка по комнатамъ, прочитана вечерняя молитва, даже и свѣчи погашены, и только огнемъ лампъ, повѣшенныхъ надъ высокими дверями, амфиладою расположенныхъ, дор-

туаровъ, освѣщается мирная картина отходящихъ ко сну юношей. Чинно разставлены ихъ желѣзныя кроватки вкругъ каждой комнаты, головою къ стѣнѣ; передъ каждою въ ногахъ синяя табуретка съ платьемъ и бѣльемъ, сложеннымъ по формѣ, и передъ нею пара сапоговъ; на синихъ комодцахъ между каждыми двумя кроватками видны слѣды недавнихъ занятій: книги, тетрадки и только что погашенныя сальныя свѣчи въ маленькихъ круглыхъ подсвѣчникахъ желтой мѣди. Многіе уже спятъ завернувшись въ теплыя байковыя одѣяла, другіе еще только раздѣваются или творятъ свои молитвы на колѣняхъ предъ кроватками. Уже прошелъ и дневальный солдатъ съ ношею сапоговъ, требующихъ починки; остается ожидать прохожденія дежурнаго офицера; но тишина ночная все еще не совсѣмъ водворилась, часто еще хлопаютъ двери въ коридорѣ и пробѣгаютъ кадеты прикрытые вмѣсто куртокъ одѣялами, словно пончами американцевъ; изъ нѣкоторыхъ комнатъ раздается говоръ и хохотъ собравшихся въ кучки неугомонныхъ, которыхъ не страшитъ близость дежурной комнаты и изъ числа которыхъ иные полунощники нарочно отдали въ починку сапоги, чтобы имѣть поводъ по утру подольше проспать, или проваляться въ постелѣ. Я, пользуясь выгоднымъ положеніемъ своей койки у самой двери, долго читалъ урокъ при свѣтѣ лампы, но когда зарябило въ глазахъ, то отложилъ въ сторону тетрадки и, перебросивъ нѣсколько словъ съ проходившими товарищами, сталъ привязывать себя къ кровати за мизинецъ ноги. Этой опасной продѣлкѣ подвергалъ я свою бѣдную ногу всякій разъ, какъ нужно было пораньше встать для занятій уроками. За этой операціей слѣдовало перекрестясь лечь и, ухитивъ одѣяло, заснуть; но вдругъ понадобился мнѣ зачѣмъ-то Слѣпцовъ. Кровать его, которая отъ моей отдѣлялась нашимъ общимъ комодцемъ, была пуста; но звонкій голосъ Слѣпцова раздавался въ сосѣдней комнатѣ и я даже различалъ въ полусвѣтѣ его тонкую подвижную фигуру. „Слѣпцовъ! — закричалъ я ему, — поди сюда!“ Онъ не откликнулся; я повторилъ его фамилію еще громче; онъ только погрозилъ мнѣ; я въ третій разъ закричалъ: „Слѣпцовъ — школяръ, демидовецъ!“ Едва успѣлъ я выговорить

эти слова, онъ стиснулъ зубы и, сверкая глазами, налетѣлъ подобно ястребу на меня, сидящаго на кровати, завернулъ мнѣ руки и сталъ бить меня кулакомъ по спинѣ. Это кончилось бы послѣ перваго удара; но я, видя свою безоружность, хотѣлъ колоть его хоть словами и продолжалъ скороговоркою: „демидовецъ, школяръ, демидовецъ". Онъ разсвирѣпѣлъ было; но ему то понравилось, что я не просилъ пощады и — онъ оставилъ меня. Тогда я еще разъ назвалъ его ненавистнымъ ему прозвищемъ, указа̀лъ на привязанную мою ногу, которая дала ему надо мною преимущество. Онъ застыдился, тотчасъ сталъ извиняться и дружба не нарушилась: мы оба засмѣялись. Сознательность его была прекрасною чертою: я скоро подмѣтилъ эту черту и удачно ею воспользовался. Если случится что онъ вспылитъ, я замолчу и даже не улыбнусь. Кончалось всегда тѣмъ, что онъ самъ, по времени, одумается и извинится, или я спокойно поговорю съ нимъ о дѣлѣ и доведу до сознанія. Думаю, что моя тактика была имъ замѣчена. Къ особенной чести его надобно сказать, что самъ онъ никого серьезно не задиралъ, а если шутилъ иногда, то за эти шутки нельзя было и сердиться, по крайней мѣрѣ потому, что онѣ не были злы и и отличались мѣткостію. Такъ одного изъ любимыхъ своихъ камрадовъ прозывалъ сальнымъ огаркомъ. Это былъ малорослый щедушный добрякъ, смуглое лицо котораго всегда было покрыто маслянистой испариной. Названіе такъ шло къ нему, что еслибъ, когда весь корпусъ стоитъ во фронтѣ, спросить: кто здѣсь сальный огарокъ? — спрошенный непремѣнно указалъ бы на Игн..... Иногда его шутки имѣли характеръ исправительныхъ мѣръ. Вотъ случай. Слѣпцовъ всегда былъ искренне набоженъ; но лицемѣрія не терпѣлъ. Въ наше время у кадетъ Горнаго Корпуса былъ благородный обычай, по которому почти каждый изъ насъ молился утромъ, къ ночи и при входѣ въ классъ. Слѣпцовъ могъ служить и въ этомъ примѣромъ Его молитва была не краткая, благоговѣйная: онъ знаменовался правильнымъ крестомъ и творилъ низкіе, иногда земные поклоны въ концѣ молитвы. Замѣтивъ, что одинъ изъ товарищей нашихъ не усерденъ къ молитвѣ, онъ сказалъ ему серьезно: „стыдно тебѣ Т. еще въ

военную службу хочешь, а Богу не молишься!“ — но сильно трунилъ онъ надъ набожностію другаго и этотъ бѣдный не видалъ себѣ покоя.

Въ пятницу послѣ обѣда былъ у насъ нѣмецкій классъ. Языкъ нѣмецкій не пользовался любовію учениковъ и особенно несносно было изученіе наизустъ нѣмецкихъ стиховъ; но дѣлать нечего. Долженъ былъ хоть кое какъ плестися за прилежнымъ тотъ, кому хотѣлось идти со двора, но баллы къ продолженіи недѣли были сомнительны; а со двора идти кому не хотѣлось? Какъ ни хорошо содержали насъ въ корпусѣ, но мы были такъ связаны надзоромъ и строгостію порядковъ, что мысль вырваться на свободу ставили выше всѣхъ другихъ понятій. Я помню, что съ нетерпѣніемъ ожидалъ я четверга, потому что въ четвергъ можно будетъ сказать: послѣ завтра отпускъ. Пятница по этому была еще милѣе; къ тому же изъ класса обращеннаго на юго-западъ такой широкій кругозоръ свободнаго пространства. Вблизи мелкіе домы и въ темныхъ заборахъ, словно въ четырехъугольныхъ ящикахъ, зеленые огороды. Съ высоты намъ видно было въ нихъ движеніе и жизнь людей. Далѣе и далѣе строенія становились еще мельче и рѣже, огороды обширнѣе и за этой, грустной впрочемъ, равниной синѣло море и по морю летѣли бѣлокрылые корабли — и все это было облито восхитительнымъ солнечнымъ блескомъ, которымъ наполнялась и наша тюрьма, какою казался намъ классъ. Какъ же не хотѣть со двора и С., товарищъ нашъ, добренькій, но ужъ слишкомъ изнѣженный мальчикъ, сынъ богатаго откупщика, очень желалъ домой: дома нѣтъ ни грозныхъ списковъ съ отмѣтками классныхъ отвѣтовъ, ни насмѣшекъ и придирокъ шалуновъ товарищей; а есть тамъ ласки и лакомства, забавы и свобода. Но нѣмецкій языкъ и ему, подобно какъ и многимъ другимъ, не очень нравился. Рано вошелъ онъ въ классъ и занялъ мѣсто на первой скамьѣ, долго молился, сопровождая слова тайной молитвы большими крестами и глубокими поклонами. Не знаю о чемъ онъ молился: чтобы не быть спрошену, или чтобы успѣть выучить урокъ? Между тѣмъ вошелъ и Слѣпцовъ въ классъ и, занявъ мѣсто на второй или третьей скамьѣ, также сталъ молиться. Съ благоговѣніемъ взирая на

образъ, читалъ свою молитву въ прямомъ положенiи, какъ солдатъ предъ начальникомъ. Когда же, въ концѣ молитвы, онъ сталъ дѣлать свои заключительные три поклона предъ образомъ, глаза его уже бѣгали въ сторону и насмѣшливая улыбка играла на его устахъ: онъ замѣтилъ С-го и сообразилъ въ чемъ дѣло. Сѣлъ онъ на свое мѣсто, а С — кій все еще продолжаетъ молиться. Слѣпцовъ не можетъ утерпѣть далѣе: улыбка его превращается въ смѣхъ, онъ потираетъ руки между колѣнами, качается всѣмъ корпусомъ и говоритъ наконецъ: „полноте Васенька, полноте, у васъ отъ поклоновъ головка заболитъ. Вотъ вы во́-время не учились, все конфекты кушали, да и товарищей не приглашали. Вашей молитвы ни одинъ святой не услышитъ, а Кремеръ - то спроситъ васъ; ужъ непремѣнно спроситъ.“ Зналъ ли Васенька свой урокъ не знаю и спросилъ ли его Кремеръ не вѣдаю; но то мнѣ извѣстно, что Васенька, желая задобрить коршуна, который радъ былъ при всякомъ случаѣ налетѣть на него съ своими острыми когтями, дѣлилъ съ нимъ гостинцы и наконецъ нашъ комодъ сталъ складнымъ мѣстомъ для сластей, которыя, всякую недѣлю разъ, въ изобилiи присылались Васинькѣ. Васинька покорялся Слѣпцову, хотя ему и не очень прiятно было, что свое же доброе онъ долженъ былъ выпрашивать у Слѣпцова, который то былъ занятъ будто бы урокомъ, то просто по капризу не отворялъ комода, прiучалъ ребенка къ терпѣливости и заставлялъ правильнѣе смотрѣть на молитву. Кажется впрочемъ тутъ не было и прямой кадетской дружбы — такъ различны были натуры и если случалось увидимъ мы, что Слѣпцовъ ходитъ обнявшись съ Васинькой, то и говоримъ: видно сегодня Васинькѣ конфекты принесутъ и Слѣпцовъ доказываетъ ему, что оставлять у швейцара не прилично, потому что отъ нихъ запахнетъ ламповымъ масломъ; что Васинька владѣлъ однимъ верхнимъ ящикомъ, а у него Слѣпцова въ комодѣ просторно и опрятно: Слѣпцовъ былъ любитель порядка и отличался опрятностiю. Дѣйствительно Васинька, смотримъ, несетъ къ Слѣпцову свою корзинку и сзываетъ на пиръ прiятелей, но не своихъ, а Слѣпцова.

Такъ все ему покорствовало и, надобно правду сказать, не только между учениками, но и у самого начальства умѣлъ онъ поставить себя въ особенное отношеніе. Руководимые духомъ Евграфа Петровича, воспитатели наши старались управлять нами нравственно: не подавляли въ насъ энергію молодой жизни, а осторожно сдерживали ее; не старались подвести всѣ индивидуальности подъ одинъ уровень; но благоразумно направляли личныя особенности къ общей цѣли воспитанія—нравственному добру, облагораживали и возвышали ихъ. Слѣпцову снисходили, любуясь его откровенностію и находчивостію. Я не помню, чтобъ онъ былъ когда нибудь наказанъ, между тѣмъ какъ вовсе не принадлежалъ къ числу смиренниковъ. Если случалось ему попадаться въ какой нибудь шалости, онъ всегда умѣлъ вывернуться безъ всякаго униженія и каждый такой случай способствовалъ къ распространенію его славы между товарищами. Не знаю, за что назначенъ былъ онъ стоять во время обѣда у столба: наказаніе довольно позорное и освободиться отъ него было почти невозможно: пощада была рѣдкостію, да и не такой человѣкъ былъ Слѣпцовъ, чтобы просить пощады, а стоять у столба не хотѣлось. Что же дѣлаетъ онъ? У насъ заведенъ былъ такой порядокъ. Въ обширной рекреаціонной залѣ собирались всѣ три возраста или отдѣленія, по нынѣшнему роты, подъ надзоромъ одного изъ дежурныхъ офицеровъ; строились въ двѣ шеренги, прочитывался списокъ наказанныхъ лишеніемъ обѣда, дежурный унтеръ-офицеръ дѣлалъ расчетъ столамъ. Когда все было готово, извѣщали дежурнаго по корпусу штабъ-офицера и, по приходѣ его, насъ вели въ столовую по командѣ. Такъ было и на этотъ разъ. Слѣпцовъ хотя не былъ записанъ, однакожъ зналъ о своей участи и стоялъ во фронтѣ съ тревожнымъ ожиданіемъ. Является дежурный штабъ-офицеръ П. Б. Сукни, добренькій старичекъ, нѣмецъ съ нѣжнымъ морщинистымъ лицомъ и мягкими волосами, падающими на лобъ — начальникъ старшаго возраста и старшій изъ трехъ начальниковъ отдѣленій. Онъ обходитъ фронтъ медленно, немного сгорбясь и треся головой; внимательно вглядывается въ лица кадетъ. Наконецъ найденъ тотъ кого онъ искалъ. „Слѣпцовъ“, сказалъ

онъ остановясь, — „ти къ стольбу.“ — Петръ Богданычъ, не изволите ли вы ошибаться, моего имени нѣтъ въ спискѣ. — „Михаилъ Яковличь сдавалъ мнѣ дежурство и сказаль: Слѣпцовъ къ стольбу.“ — Михаилъ Яковлевичъ могъ ошибиться, я никакой вины за собой не знаю. — „Иди къ стольбу.“ Слѣпцовъ еще возразилъ: — начальство обыкновенно употребляетъ исправительныя мѣры, объяснивъ виноватому за что наказываютъ, иначе отъ наказанія не будетъ никакой пользы. — Сукни началъ разгорячаться и выразился не совсѣмъ осторожно, чѣмъ и воспользовался Слѣпцовъ. Сукни сказалъ ему на его возраженіе: „Мнѣ нечего тебѣ объяснять, велѣно поставить тебя къ стольбу“... — Если такъ, перервалъ его Слѣпцовъ очень почтительно, если Михаилъ Яковлевичъ вамъ приказалъ и вы хотите въ точности исполнить его, данное вамъ приказаніе, то какже я васъ не послушаюсь: я иду къ столбу, — и сдѣлалъ знакъ что хочетъ выйдти изъ фронта. — „Стой, стой, сказалъ ему вслѣдъ Сукни: — Михаиль Яковличь не можетъ мнѣ приказить“. — Вы сами изволили сказать. — „Ты глюпъ? Михаилъ Яковличь моложе, я старше. Михаиль Яковличь не можетъ мнѣ приказить. Поди на свое мѣсто“.

Такимъ образомъ Слѣпцовъ избавился отъ стоянія за столбомъ; но такъ какъ наказаніе отмѣненное сегодня могло постигнуть его завтра; то онъ имѣлъ осторожность не пойдти вовсе въ столовую, чѣмъ и былъ успокоенъ Михаилъ Яковлевичъ, назначившій ему наказаніе, — что было важно: потому что у Михаила Яковлевича, не какъ у Петра Богдановича, волосы вились въ кольца, станъ былъ очень прямой, даже слишкомъ страшно прямой, — и грозно орлиный носъ: Михаилъ Яковличъ не былъ похожъ на Петра Богдановича.

Въ другой разъ унтеръ-офицеръ, имѣвшій на него неудовольствіе, сталъ жаловаться на него дежурному офицеру; а чтобы не выйдти со стыдомъ, взялъ къ себѣ въ адвокаты товарища отлично-умнаго и бойкаго на слово. Слѣпцовъ былъ тотчасъ позванъ въ дежурную комнату къ отвѣту. Съ жаромъ говорили его противники. Обиженный представлялъ факты, а помощникъ объяснялъ ихъ значеніе. Слушалъ, слушалъ Слѣпцовъ, не вытерпѣлъ и, попросивъ позволеніе

говорить, обратился къ адвокату. „Ты Б. очень много на себя берешь. Дѣло до тебя вовсе не касается; а ты такъ дерзко вмѣшиваешься въ него. Къ чему всѣ эти объясненія? Не ужели ты такъ высоко думаешь о себѣ и такъ низко о своемъ начальствѣ, будто безъ твоей помощи Александръ Павловичъ (имя офицера) не съумѣетъ понять и разобрать дѣло?“ Этого было довольно. Александръ Павловичъ тотчасъ выслалъ вонъ адвоката. Обиженный потерялся, сталъ говорить несвязно и съ противорѣчіями. Тогда Слѣпцовъ обратился къ офицеру и говоритъ: „изволите видѣть Александръ Павловичъ. Ему сказать нечего. Онъ путается, не знаетъ что придумать. Ясно, что онъ хотѣлъ оклеветать меня предъ вами, лишить меня расположенія начальства и надѣялся не на правду а на своего помощника, который, какъ ему казалось, закидаетъ и меня, и васъ словами. Онъ тотчасъ сробѣлъ, какъ скоро увидѣлъ, что ему не удается ни меня очернить, ни начальство одурачить.“ Обиженный ушелъ со стыдомъ и съ опасеніемъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ не поняли его поступка по объясненію Слѣпцова и не довели до высшаго начальства. Съ этихъ поръ ни у кого не доставало охоты жаловаться на Слѣпцова. Случалось, правда, бывали такія исторіи, изъ которыхъ выйдти безбѣдно Слѣпцову не было уже никакой возможности; но тогда прикрывали его товарищи.

Вмѣстѣ съ множествомъ другихъ злосчастныхъ терпѣлъ онъ гоненіе отъ старичка Гербеня, французскаго учителя. Недовольный ихъ успѣхами онъ поставилъ всѣхъ ихъ разомъ на колѣни на неопредѣленное время. Вслѣдствіе этого приказа, бывало, еще до прихода учителя, они уже и располагаются по всему не занятому скамьями пространству комнаты со своими книгами, тетрадками и лежатъ распростершись на полу въ самыхъ причудливыхъ позахъ и группахъ. При входѣ наставника въ классъ, они поднимутся на колѣни, но лишь замѣтятъ, что онъ занялся прилежно съ учениками, уцѣлѣвшими на скамьяхъ, какъ тотчасъ снова ложатся и дѣлаютъ кто что хочетъ, ни мало не заботясь о французскомъ урокѣ. Такъ какъ въ числѣ наказанныхъ была едва ли не большая половина класса, на

скамьяхъ чувствовался излишній просторъ и каждый сидящій былъ на виду у учителя; то негодованіе противъ Гербеня сдѣлалось почти всеобщимъ. Однимъ надоѣло униженіе, а другимъ наставникъ, который теперь обращалъ вниманіе на немногихъ сидящихъ и ихъ безпрестанно спрашивалъ. Надо было довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства, такъ какъ мѣра была дѣйствительно необдуманная; но какъ надобно было цѣлой депутаціей идти съ жалобою и вѣроятно, что этимъ депутатамъ досталось бы порядочно за жалобу, то и рѣшились по крайней мѣрѣ выразить неудовольствіе Гербеню. Слѣпцовъ предложилъ планъ, согласно принятый всѣми. Этотъ планъ состоялъ въ слѣдующемъ: всѣмъ назначеннымъ къ стоянію на колѣняхъ сѣсть на свои обыкновенныя мѣста, исключая трехъ или четырехъ человѣкъ и, какъ скоро Гербень войдетъ въ классъ, начать шаркать ногами, потомъ кашлять, чихать, сморкаться и стучать каблуками. Разумѣется, Гербень выбѣжитъ изъ класса въ коридоръ жаловаться офицеру; въ эту минуту всѣмъ, которые должны стоять на колѣняхъ, быть на колѣняхъ къ возвращенію Гербеня, разумѣется, сопутствуемаго дежурнымъ офицеромъ. Гербеня станутъ спрашивать кто его безпокоилъ: онъ укажетъ на сидящихъ, но это лучшіе его ученики; на всѣхъ,—но нѣкоторые стояли на колѣняхъ смирно, а кто стоялъ на колѣняхъ и кто сидѣлъ во время шума, онъ не знаетъ; однимъ взоромъ онъ не могъ окинуть цѣлаго класса, на скамьяхъ при входѣ его густо сидѣлъ народъ, и если укажетъ зачинщиковъ; то, разумѣется, не впопадъ и тѣмъ спутаетъ себя и затруднитъ начальство, которое между тѣмъ само усмотритъ неосновательность исправительной мѣры Гербеня и дѣло кончится для учениковъ общимъ легкимъ наказаніемъ, а для Гербеня урокомъ обращаться вѣжливѣе. Какъ предполагалъ Слѣпцовъ, такъ точно и случилось; но, изъ предосторожности, онъ сдѣлалъ репетицію. Взявъ на себя роль Гербеня, онъ вошелъ въ классъ съ обыкновенными пріемами этого учителя, съ его „je vous salue, messieurs", съ его манерою держать за кончикъ распущенный носовой платокъ и дѣлалъ знаки при каждомъ пріемѣ: кому какого рода шумъ начинать. Долго допытывались зачинщиковъ,

Гербень указалъ, но не впопадъ, на учениковъ, отличавшихся кротостію; на Слѣпцова не указалъ, потому что онъ стоялъ на колѣняхъ, а съ этой стороны шуму не было. Какъ ни пытали, ни одинъ человѣкъ не показалъ на Слѣпцова, а больше показать было не на кого. Кончилось тѣмъ, что насъ продержали часа два въ запертомъ классѣ. Выпустили въ то самое время, когда весь корпусъ былъ въ залѣ, собравшись къ ужину и мы должны были пройдти предъ всѣми по залѣ въ свои комнаты, чтобы положить классныя принадлежности. Ужинали мы по обыкновенію. Я упоминаю здѣсь о Слѣпцовѣ какъ о наказанномъ, при томъ за неуспѣшность. Не понимаю какъ случилось, что онъ показался Гербеню малоуспѣшнымъ. Конечно не былъ онъ тогда въ числѣ знатоковъ французскаго языка, но потомъ у другихъ наставниковъ по тому же языку онъ шелъ наравнѣ съ очень хорошими; я думаю, что въ немъ не понравилась Гербеню его отвага и какое нибудь острое словцо. На такія словца онъ былъ не скупъ.

Гораздо послѣ уже въ 4 среднемъ классѣ былъ онъ спрошенъ по ориктогнозіи и отвѣчалъ неудовлетворительно. Цѣлый ящикъ разноцвѣтныхъ штуфовъ лежалъ предъ нимъ, но на который изъ нихъ ни указывалъ наставникъ, Слѣпцовъ называлъ либо полевымъ шпатомъ, либо роговою обманкою: эти два названія только и были ему извѣстны. Жизнію кипящая натура не могла имѣть сочувствія къ наукѣ о мертвыхъ камняхъ; да и случилось это послѣ того, какъ скорый переходъ его въ юнкерскую школу уже былъ рѣшенъ. Но наставникъ вправѣ былъ оскорбиться такимъ, со стороны одного изъ лучшихъ учениковъ, невниманіемъ къ наукѣ, которой самъ онъ былъ преданъ исключительно. Надобно знать, что В. В. Н. былъ изъ солдатскихъ дѣтей, обстоятельство, которое по понятіямъ нашего времени не только не унижаетъ, но еще возвышаетъ его достоинства. Съ малыхъ лѣтъ служа при музеумѣ, онъ пріобрѣлъ необыкновенныя практическія познанія въ ориктогнозіи, могъ по одному бѣглому взгляду безошибочно называть камни. Понятно теперь, что пренебреженіе къ ориктогнозіи могло ему казаться личною обидою. По этому

и сталъ онъ укорять Слѣпцова, представляя ему, что воспитаннику Горнаго Института нельзя будетъ безъ этихъ познаній и шагу сдѣлать въ обществѣ. Слѣпцовъ мгновенно воспользовался неосторожнымъ словомъ учителя и далъ ему рѣзкій отвѣтъ, — „меня камни не поили, не кормили и въ люди не выводили, мнѣ не за что питать къ нимъ признательность, надѣюсь возвыситься въ обществѣ не по камнямъ.“ Доброе его сердце осудило его впослѣдствіи за эту выходку.

Разсказывая этотъ случай, я почелъ нужнымъ объяснить почему Слѣпцовъ не занимался ориктогнозіей; тогда какъ сначала до конца своего пребыванія въ корпусѣ онъ былъ по всѣмъ наукамъ въ числѣ лучшихъ; но если въ чемъ не оказывалъ тѣхъ же успѣховъ то это въ искусствахъ. Сколько помню, онъ вовсе не занимался музыкой и пѣніемъ, танцовать учился, но не для того, чтобъ участвовать въ экзаменическихъ балетахъ, а чтобъ на вечерахъ не отказываться отъ танцевъ. Я называлъ его танцоромъ, но въ шутку, такъ какъ онъ ходилъ довольно сильно развернувъ ступню. Въ рисованьи въ мое время онъ также былъ не далекъ. Въ его рисовальной тетради учитель всегда находилъ новый этюдъ: домикъ, деревню, головку или лошадиную морду; но долженъ я признаться, что всѣми этими, впрочемъ весьма не важными произведеніями тетрадь Слѣпцова была мнѣ обязана. Въ англійскомъ пансіонѣ рисованье процвѣтало, а живопись, особенно ландшафтная, сдѣлалась страстью многихъ учениковъ. Во мнѣ, которому не удалось довершить хорошо положеннаго начала, художественное образованіе произвело по крайней мѣрѣ то благотворное дѣйствіе, что раскрыло сочувствіе къ красотамъ природы и мнѣ хотѣлось передать это сочувствіе Слѣпцову. Трудъ не большой; душа его сама рвалась ко всему что ни есть истинно прекраснаго въ мірѣ. Впослѣдствіи, зная какъ я дорожу красивыми мѣстностями и желая подѣлиться тѣми впечатлѣніями, какія производила на его воспріимчивую душу природа Кавказа, онъ, съ обычною своею живостію, писалъ ко мнѣ: — „Душевно желалъ бы, чтобы ты пріѣхалъ сюда и какъ можно скорѣе, кажется есть уголки не хуже и можетъ и живописнѣе Виѳаніи — такъ предполагаю“. Слѣпцову хотѣлось только набить руку въ рисо-

ваньи, чтобы чертить ситуаціонныя карты. Этого онъ кажется и достигъ, если судить по тому что награжденъ былъ (уже по выходѣ моемъ изъ корпуса) ситуаціонною картой. Не смѣю судить до какой степени заслуживалъ онъ этой награды; но знаю, что рапира, полученная имъ за фехтованье, дана ему по всей справедливости. Вообще, очень способный къ гимнастикѣ, онъ старался пріобрѣсти опытность въ фехтованьи, желалъ успѣхами доказать роднымъ свою способность къ тому, что относится до военной службы. Какъ ни былъ онъ усерденъ къ наукамъ; но ему легче было попасть въ число незнающихъ урока, нежели пропустить фехтовальный классъ. Бывало часъ и два бьется онъ, не зная устали, на рапирахъ и эспадонахъ съ фехт-мейстерами и товарищами. Надобно было видѣть какъ онъ серьезно смотрѣлъ на это занятіе, какъ старался усвоить малѣйшій пріемъ и какъ одушевлялся впродолженіи этого примѣрнаго поединка: онъ весь былъ вниманіе и быстрота; глаза его какъ угли сверкали сквозь стальную сѣтку. Послѣ этого я нѣсколько понимаю какимъ огнемъ онъ горѣлъ въ пылу сраженій. Менѣе любилъ онъ маршировку, однако же и тутъ похвала гвардейскаго ундера, нашего учителя, была для него выше нежели похвала учителя ориктогнозіи и онъ старался не мало. Другихъ упражненій для развитія тѣла—нынѣшней гимнастики—у насъ еще не было введено. Чтобы дать намъ движеніе, такъ какъ не всѣ учились фехтовать, а танцклассъ и маршировка производились только по два раза въ недѣлю, въ среду и субботу,—выводили насъ, особенно зимою, гулять по окрестнымъ улицамъ, а лѣтомъ для игръ на плацъ, весьма обширный, огороженный заборами, четыреугольникъ. Онъ былъ хорошо укатанъ, посыпанъ пескомъ. Тутъ, подъ надзоромъ начальства, мы могли рѣзвиться какъ хотѣли. Усталые находили отдохновеніе у сбитеньщика Ипсилантія съ его запасами — спиртуознымъ сбитнемъ, булками и жидкимъ молокомъ—подъ навѣсомъ, которой, вдаль западной стороны, прикрывалъ устроенныя для насъ скамьи. Слѣпцовъ не отказывался и отъ прогулокъ, а что до игръ, онъ былъ къ нимъ страстенъ, игралъ ловко и неутомимо; въ лаптѣ былъ особенно искусенъ. Какъ онъ ничѣмъ не могъ заниматься поверхностно, если занятіе было ему по душѣ,

то и въ играхъ былъ очень взыскателенъ. Но рѣдко кто огорчался его притязаніями. Нравъ его, вспыльчивый, но добрый, былъ извѣстенъ; нравственная его сила невольно примиряла всѣхъ съ его порывами; къ тому же въ игрѣ онъ пользовался уваженіемъ какъ коноводъ и его находчивости не разъ одолжены были играющіе прекращеніемъ какъ нибудь возникшей ссоры и его смѣлости спасеніемъ мяча. То и другое качество смѣлость и находчивость прекрасно обнаружились въ немъ однажды при случаѣ, когда, слишкомъ сильнымъ ударомъ лапты, закинутъ былъ мячъ въ сосѣдній обывательскій садъ. Какъ быть? другаго мяча не имѣлось, а игра прервана въ самомъ разгарѣ. Слѣпцовъ вызывается въ опасную экспедицію: выбираетъ удобное мѣстечко и, удостовѣрясь, что не смотритъ на него ни одно начальственное око, бацъ черезъ заборъ, довольно высокій. Товарищи, сквозь щель въ заборѣ, наблюдали за его движеніями. Мячъ былъ скоро найденъ въ травѣ; но кругомъ на кустахъ рдѣютъ такія крупныя, сочныя ягоды, а садъ преглухой; нельзя было не соблазниться. Проворно подчищалъ онъ выбранный кустъ, какъ вдругъ послышался въ аллеѣ шелестъ платья и явилась старушка, хозяйка дома. Всякій другой мальчикъ, быстрый какъ Слѣпцовъ, бросился бы черезъ заборъ, не думая о послѣдствіяхъ. Но Слѣпцовъ, ни мало не теряя присутствія духа, пошелъ прямо къ ней навстрѣчу и снявъ фуражку, при почтительномъ поклонѣ, объяснилъ свое горе—потерю мячика, говорилъ, что одно лишь желаніе возвратить товарищамъ средство провести пріятно короткое время отдыха принудило его къ дерзости залѣсть, безъ спроса, въ чужой садъ и поручилъ себя ея великодушію. Старушка очаровалась умною рѣчью и ловкостью пригожаго мальчика, запотчивала всякими фруктами и онъ возвратился къ товарищамъ, трепетавшимъ за его участь, и съ мячомъ и съ лакомствами. Черезъ этотъ случай онъ получилъ входъ въ почтенное семейство хозяйки глухаго сада.

Веселый, рѣзвый, находчивый, но вмѣстѣ солидно-умный, любознательный, знакомый, сколько позволялъ возрастъ, съ науками и литературой, онъ былъ неоцѣненный собесѣдникъ.

На Васильевскомъ острову, въ 12 линіи, близъ большаго про-

спекта стоялъ большой старинный деревянный домъ, замѣтный по своей высокой кровлѣ и англійскимъ рамамъ съ мелкими стеклами. Что онъ принадлежалъ товарищу герольдмейстера Василію Васильевичу Краснопѣвкову, это хорошо знали горные кадеты, товарищи сына его Льва. Они всегда могли войдти въ надеждѣ на радушный пріемъ, вкусный обѣдъ и даже ночлегъ. Хозяинъ, величавый старецъ, съ прическою à la Karamsinn и съ владимірскимъ крестомъ на шеѣ, принималъ ихъ также вѣжливо и почтительно какъ и гостей въ крестахъ и звѣздахъ; внимательная хозяйка не уставала придумывать для нихъ развлеченія; расточала имъ ласки, радушно угощала ихъ всѣмъ, что было лучшаго, и отпускала съ благословеніемъ. Она говорила: „у этого родители далеко, а этотъ сирота, мнѣ грѣшно будетъ непригрѣть ихъ". Нѣкоторые изъ нихъ сохранили надолго чувство сыновнихъ къ ней отношеній. Впрочемъ никто изъ горныхъ кадетъ не посѣщалъ такъ часто этотъ домъ, никто не находилъ тамъ такого внимательнаго пріема, какъ Слѣпцовъ. Бывало собирается, вижу, Слѣпцовъ со двора; но или погода самая ненастная и намъ объявлено, что у кого не будетъ крытаго экипажа, тотъ не воспользуется отпускомъ, а у Слѣпцова нѣтъ экипажа, или ледъ идетъ по Невѣ и нѣтъ сообщеній съ адмиралтейской стороной, гдѣ живутъ родственники Слѣпцова. Слѣпцовъ? спрашивлю я; — куда мы съ тобою сегодня? — Онъ лукавою улыбкою быстро отвѣчаетъ: „Вы куда, Левинька, не знаю, а я въ 12 линію, по приглашенію Василья Васильевича и Анны Ивановны. Они и карету обѣщали прислать." И къ семи часамъ вечера мы уже были въ 12 линіи. Если жъ уходилъ онъ, какъ обыкновенно случалось, въ домъ родныхъ своихъ; то все таки бывалъ у насъ часто къ обѣду, на вечеръ, а иногда, въ продолжительные отпуски, проводилъ по нѣскольку дней. Это время пролетало съ необыкновенною пріятностію. Если было лѣто, мы рѣзвились цѣлый день въ саду. Онъ былъ не великъ, но какъ корзинка съ цвѣтами, ягодами и разнообразною зеленью березъ, липъ, кленовъ, елей, акацій, сиреней. Розаны, липы и сирени обращали на себя заслуженное вниманіе; но наше вниманіе не отклонялось отъ ягодъ и яблоковъ. Пресыщенные, мы употребляли яблоки вмѣсто мячей и

бросали ими въ цѣль, которою служило слуховое окно высокаго сѣновала на сосѣднемъ дворѣ. Надъ этимъ садомъ господствовала моя лѣтняя горенка. По узенькой наружной лѣстницѣ вбѣгали мы для ночлега или на время большаго дождя. Отсюда взоръ обнималъ не малое пространство. Видъ былъ полугородской, полудеревенскій. Прямо передъ нами къ востоку поднимались одни надъ другими кровли домовъ и изъ за нихъ главы Андреевскаго - орденскаго собора; влѣво цѣлый лѣсъ, потому что заборъ нашего сада былъ спрятанъ въ зелени и рядъ сосѣднихъ домовъ представлялъ сплошную рощу. Мы не могли довольно налюбоваться отсюда простенькой картинкой свѣжаго солнечнаго утра, когда, во время чаю, растворимъ, бывало, окно и ароматическій воздухъ польется съ этой густой смѣси растеній, вскропленныхъ росою или теплымъ ночнымъ дождемъ, станетъ слышно пѣніе и чириканье птицъ, которыя летаютъ и прыгаютъ по вѣтвямъ, сбрызгивая крылышками алмазныя капли съ влажныхъ листьевъ. Зимою мы должны были жаться въ моей крошечной комнатѣ съ окномъ къ высокой кровлѣ; но нерѣдко выходили въ общія комнаты. Въ началѣ онъ не любилъ этихъ выходовъ. Тамъ всегда почти встрѣчался онъ съ нашимъ же кадетомъ изъ старшихъ класовъ, моимъ учителемъ. Яковъ Еремѣевичъ С—ковъ былъ изъ малороссовъ, сирота, юноша умный и наивный, болѣе серьезной и въ самой веселости меланхоличный. Можетъ быть рѣзкое различіе характеровъ, можетъ случайная причина произвела между ними разрывъ, только они не терпѣли другъ друга. С — ковъ всячески старался отвлечь меня отъ Слѣпцова и выражалъ ему неудовольствіе, а Слѣпцовъ, отъ избытка антипатіи, прятался отъ него и, когда встрѣчался съ С—ковымъ, то дѣлался угрюмъ и молчаливъ. Слѣпцова, во всей свободѣ и полнотѣ его характера, узнали въ нашемъ домѣ не прежде, какъ С—ковъ, по выходѣ изъ корпуса въ офицеры, уѣхалъ на Лугань. Злая судьба постигла этого честнаго человѣка: онъ гулялъ по берегу рѣки гдѣ рубили въ этотъ часъ деревья, большая ива неожиданно повалилась и убила его. Слѣпцовъ искренно сожалѣлъ о немъ, какъ о человѣкѣ; но чувствовалъ что какъ будто цѣпи спали съ удаленіемъ, еще болѣе

со смертію С—кова. Непостижимый капризъ натуры! Безъ него Слѣпцовъ не чуждался, даже любилъ нашу гостинную. Тамъ мы шутили, разсуждали или занимались чтеніемъ по вечерамъ, иногда танцовали. Слѣпцовъ очень любилъ литературу. Его стихотвореніе „слава русскихъ“—заслужило одобрѣніе начальства и ходило по рукамъ какъ образцовое. Слогъ его былъ оригиналенъ. Онъ любилъ поэзію, особенно драматическую. Въ послѣдствіи въ полку изучалъ онъ Шекспира, по французскому переводу, самъ переводилъ и сказывалъ, что сбирается создать русскую драму, такъ какъ не находилъ ни одной, достойной этого имени. И на Кавказъ онъ взялъ съ собою изъ книгъ только Шекспира и Басни Крылова. Богъ судилъ ему создать вмѣсто драмы Сунженскую линію и счастіе нѣсколькихъ тысячъ храбрыхъ, а самому сдѣлаться героемъ, достойнымъ шекспировскаго пера. Живо помню я, какъ мастерски читалъ онъ изъ „Бориса Годунова“ монологъ царя и сцену въ корчмѣ и на литовской границѣ. Между его любимыми стихотвореніями были: Пушкина „Узникъ“ (сижу за рѣшоткой). „Гусаръ“ (скребницей чистилъ). „Утопленникъ.“ Послѣднее стихотвореніе распѣвалъ онъ какимъ-то особеннымъ отрывистымъ речитативомъ. Описательныя подробности этой пьески не нравились маменькѣ. Поэтому когда она была въ духѣ, Слѣпповъ просилъ чтобъ его выслушала; но какъ скоро доходилъ до словъ: „и въ распухнувшее тѣло раки черные впились“ — ему зажимали ротъ. Онъ заливался своимъ добрымъ смѣхомъ и целовалъ руки матушки. Родители мои любили его; матушка любила въ немъ моего любимаго товарища, который можетъ служить для меня образцомъ. Слѣпцовъ принялъ ея благословеніе отправляясь на Кавказъ, вспоминалъ ее почти въ каждомъ письмѣ и къ ней самой писалъ, благодаря въ нѣжныхъ выраженіяхъ за ея родственную любовь. Батюшка былъ расположенъ къ нему за почтительность и серьезно-умную рѣчь. Не питая большаго пристрастія къ военнымъ, онъ впослѣдствіи отличалъ въ Слѣпцовѣ истинный характеръ военнаго человѣка; но не дожилъ старецъ до этой славы Слѣпцова: скончался еще въ 1839 году. Бывало любезно видѣть какъ этотъ живой мальчикъ по цѣлому часу

ходитъ съ батюшкой по залѣ. Слѣпцовъ разсуждалъ какъ большой. Почтеніе съ старшимъ было его правиломъ. Онъ готовъ былъ лишить себя удовольствія, если этимъ можно сдѣлать пріятное престарѣлому и почтенному человѣку.

Вообще ему надобно отдать большую честь въ томъ, что въ раннемъ возрастѣ онъ прекрасно понималъ общественныя отношенія, уважалъ всякое правило жизни, уваженія достойное, и никогда не ставилъ себя въ положеніе ложное. Отъ того и образовался въ немъ такой полный характеръ, что онъ шелъ правильнымъ путемъ, всегда мыслилъ и поступалъ какъ прилично его возрасту. Талантливыя дѣти любятъ воображать себя взрослыми людьми; но Слѣпцовъ, напротивъ, говорилъ: „мы дѣти должны вести себя по дѣтски." То и было въ немъ особенно любезно, что онъ былъ дитя сознательное. 13-ти 14-ти лѣтъ онъ велъ себя какъ мальчикъ, а разсуждалъ какъ большой. По шалости, напримѣръ, онъ не состригалъ своихъ усиковъ, которые уже слишкомъ замѣтно оттѣняли его губу. Маркшейдеръ корпуса, подписывая ему билетъ для отпуска, поднялъ на него глаза и сказалъ: „Слѣпцовъ можетъ идти со двора, а усы его могли бы остаться въ корпусѣ." Слѣпцовъ тотчасъ состригъ усы, сказавъ товарищамъ: „я могъ бы не сдѣлать этого, но мнѣ сказано благородно, съ довѣренностію ко мнѣ и потому замѣчаніе принялъ я въ смыслѣ приказанія." Онъ любилъ по середамъ, во время танцкласса, пробираться въ баню. Это была шалость; но подлѣ шалости стояло у него разсужденіе взрослаго человѣка. Онъ совѣтывалъ товарищамъ ходить въ баню, потому что они не нѣмцы, что для русскаго человѣка, пока онъ живетъ въ суровомъ климатѣ баня служитъ на пользу: иначе она не была бы такъ принята въ цѣломъ народѣ, въ продолженіи не одной тысячи лѣтъ. При этомъ я живо припоминаю, какъ по возвращеніи изъ бани, тотчасъ ложился онъ на кровать и не терпѣлъ чтобы въ это время его безпокоили. Онъ много читалъ, чувствовалъ красоты природы и искусства, былъ вѣжливъ, обходителенъ съ дамами, но не вдавался въ мечтательность, никогда не былъ сентименталенъ или слишкомъ услужливъ и смѣялся надъ тѣми мальчиками, которые кор-

чили львовъ. Памятенъ былъ и необыкновеннымъ для насъ казался случай, когда въ темный вечеръ, при накрапывающемъ дождѣ, пустился онъ взапуски съ другимъ юношею изъ саду въ домъ за зонтикомъ для одной молодой дамы. Я толкую такъ, что ему не хотѣлось уступить первенства. Быть не хуже отличныхъ, заслужить репутацію и привязанность въ кругу товарищей — вотъ предметъ его честолюбія. Но и эту привязанность умѣлъ онъ стяжать нисколько не измѣняя благородству своего характера. Не говорю уже о томъ, что это самое благородство привлекало къ нему невольно все, что было нравственнаго, въ чемъ была энергія воли, какъ привлекаются къ полюсу магнита желѣзныя опилки. Но кромѣ того онъ имѣлъ необыкновенный тактъ дѣйствовать на людей не потворствуя ихъ слабостямъ, не льстя ихъ порокамъ. Къ этому душа его была вовсе неспособна: внутреннее растленіе, испорченность сердца, изнѣженность, тупость чувства были противны для него. При всей снисходительности своей, онъ тяготился иногда тѣмъ внутреннимъ одиночествомъ, на которое осуждала его собственная его нравственная высота. По выходѣ моемъ изъ корпуса, я нерѣдко посѣщалъ товарищей, оставшихся въ Корпусѣ. Однажды прогуливался я съ Слѣпцовымъ по длинной рекреаціонной залѣ. Мы были одни. Я спросилъ: „каково поживаешь Слѣпцовъ?—Какъ человѣкъ между звѣрями, — живо отвѣтилъ онъ. — Я хорошо знаю Слѣпцова и знаю, что слова эти не съ вѣтра и не на вѣтеръ были сказаны: въ нихъ отражалась его душа. Отъ того-то онъ не разбиралъ какою репутаціею пользуется товарищъ и каково онъ успѣваетъ по классамъ; а каковъ онъ дѣйствительно, каково его сердце, какое направленіе ума. Онъ не зналъ ни страха, ни ложнаго стыда, дѣйствовалъ сердечно, безкорыстно, старался удовлетворять существеннымъ потребностямъ своихъ избранныхъ, каковы бы ни были потребности— духовныя или внѣшнія. Однимъ оказывалъ онъ благодѣянія вещественныя, другихъ утѣшалъ знаками пріязни, упадшихъ духомъ возвышалъ въ ихъ собственномъ мнѣніи и обличалъ тѣхъ, въ комъ изъ близкихъ къ себѣ замѣчалъ погрѣшности. Я помню одного юношу Шм. Дурные товарищи воспользовались его простотою и увлекли въ

такіе проступки, которые сначала очернили его въ мнѣніи начальства, потомъ уронили въ собственныхъ его глазахъ и наконецъ погубили его: онъ былъ исключенъ и сосланъ въ Сибирь на заводы, унтеръ-офицеромъ. Этотъ несчастный былъ въ послѣднее время пребыванія въ корпусѣ оставленъ почти всѣми, одни его отвергли, видя въ немъ негодяя, другіе смотрѣли на него какъ на несчастнаго, но боялись выразить состраданіе. Слѣпцовъ же, когда дѣло передъ нимъ раскрылось, выразилъ самымъ благороднымъ и открытымъ образомъ свое сочувствіе къ заблудившемуся товарищу. Ш. имѣлъ въ немъ въ послѣднее время истиннаго друга, былъ утѣшенъ имъ, поднятъ нравственно и можетъ быть принялъ въ душу сѣмена рѣшительнаго исправленія. Мнѣ слышатся тѣ слова глубокаго чувства и видятся благодарныя слезы этого бѣдняжки въ минуту прощанья его съ Слѣпцовымъ. Да, видится мнѣ и Слѣпцовъ, какъ подавляя въ себѣ избытокъ сердечнаго участія, съ глазами, которые измѣняютъ ему своимъ необычайнымъ блескомъ, подаетъ онъ ему, съ военнымъ жестомъ, свою благородную руку и спѣшитъ проститься, чтобы не дать чувству слишкомъ много власти надъ собою *). Не знаю какъ въ послѣдствіи, но въ то время, сколько помню я, Слѣпцовъ, вообще словоохотный, былъ очень кратокъ въ словѣ и дѣйствіи. Когда нужно было сообщить полезную мысль или чувство, сильно овладѣвшее имъ, эта мысль и это чувство, можно сказать, потопляли его и тогда одно слово, одно движеніе были понятны для того, кто хотѣлъ понимать и не изгладимо былъ памятенъ такой урокъ. Такъ одинъ его взглядъ сдѣлалъ для меня лукавство на всегда омерзительнымъ; одинъ его взглядъ показалъ мнѣ сентиментальность въ самомъ смѣшномъ видѣ и навсегда опошлилъ ее въ глазахъ моихъ.

От недовѣрчивости къ товарищамъ, которыхъ имѣлъ я прежде знакомства съ Слѣпцовымъ рождалась во мнѣ скрытность и лукав-

---

*) Въ 1848 г. Ш. былъ на Л. заводѣ и пользовался участіемъ товарищей своихъ по Корпусу. Я видѣлся съ нимъ въ Москвѣ. Отрадно было замѣтить въ немъ нравственные плоды горькаго опыта. Думаю, что направленіемъ къ добру эта, по природѣ, добрая душа обязана была именно участію Слѣпцова.

ство. Слѣпцовъ ночевалъ у меня на масляницѣ и поутру, довольно накатавшись съ горы, собрался идти домой. Дай-ка мнѣ эту книгу прочитать, — сказалъ онъ, указывая на четыре тома романа „Сенклеръ Монтей или изгнанники на островѣ Барро". Это была первая повѣсть, которую за нѣсколько лѣтъ до того времени прочиталъ я отъ доски до доски. Теперь я перечитывалъ ее, потому что мнѣ пріятно было воспроизвести въ душѣ старинныя впечатлѣнія. Мнѣ жаль было книги, потому что я не дочиталъ ее, однако не хотѣлъ отказать и Слѣпцовъ завязалъ въ платокъ всѣ четыре книги. Но лишь только вышелъ онъ изъ моей комнаты, чтобы проститься съ родными, какъ я поспѣшно вынулъ изъ платка одну часть и спряталъ ее. Слѣпцовъ не замѣтилъ обмана; но когда, въ условный срокъ, онъ возвращалъ мнѣ книги; то, не дѣлая выговора, лишь молча указалъ мнѣ, что одной книги недоставало и покачалъ головой, съ такимъ замѣчательнымъ взглядомъ, что я сгорѣлъ со стыда и проклялъ демона лукавства.

Изъ подражанія товарищамъ, которые хвастались разными сувенирами, принесъ я въ Корпусъ головную спильку, выпрошенную у одной изъ своихъ родственницъ. Слѣпцовъ увидѣлъ шпильку у меня подъ подушкой и такимъ насмѣшливымъ взглядомъ укололъ меня, что тогда же далъ я себѣ слово не имѣть сувенировъ. Этотъ случай даже такъ на меня подѣйствовалъ, что едва не впалъ я, на первое время, въ крайность: всякое, даже благородное и искреннее чувство, чуждое всякой сентиментальности, печаль, сожалѣніе и проч. стало казаться мнѣ чѣмъ-то пошлымъ. Но въ этомъ случаѣ самый примѣръ Слѣпцова могъ исправить меня. Мелочная личная привязанность не могла занять, наполнить его благороднаго сердца; но это сердце было растворено для дружбы, состраданія и проч. Примѣръ его имѣлъ для меня значеніе урока какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ жизни. Такъ я былъ воспитанъ въ набожности; но раннее уединеніе дѣлало меня дикимъ, а то обстоятельство, что товарищи были мнѣ не по сердцу, пріучало меня беречь отъ нихъ и скрывать свои чувства, отъ этой скрытности я перешелъ къ тому, что уже стыдно мнѣ было обнаруживать свои набожныя расположенія. Но подлѣ меня былъ Слѣп-

цовъ, который готовъ былъ передъ цѣлымъ свѣтомъ исповѣдовать свои христіанскія убѣжденія и его примѣръ исцѣлилъ меня. Въ отношеніи религіозномъ, какъ и во многихъ другихъ, онъ, и въ дѣтствѣ и въ послѣдующее время, могъ быть совѣтникомъ надежнымъ. Его свѣтлый и глубокій взглядъ далеко проникалъ въ область духа. Незабвенно для меня то напутствіе, которымъ онъ почтилъ меня при нашемъ послѣднемъ разставаньи въ Москвѣ, откуда, принявъ архипастырское благословеніе отъ московскаго владыки, Филарета, онъ ѣхалъ на Кавказъ, а я въ Сергіеву Лавру. Слова этого напутствія для меня тоже, что для воина священная надпись на знамени, подъ которымъ онъ долженъ сражаться. Онъ сказалъ мнѣ: „ты избираешь прекрасную дорогу и Богъ благословитъ тебя; но если не будешь ты монахомъ въ душѣ лучше тебѣ умереть“. Нельзя не слышать внимательному уху, что едиными устами и единымъ сердцемъ произнесены — и извѣстная читателю дѣтская сентенція къ товарищу: хочешь быть военнымъ, слѣдовательно молись и приведенное сейчасъ напутствіе будущему монаху и тѣ встрѣчаемыя едва-ли не въ каждомъ письмѣ его ко мнѣ разнообразныя выраженія религіознаго чувства, которымъ полна была душа его особенно въ годы его сунженскихъ трудовъ и военной славы. Всѣ эти отдѣльныя, постепенно-возвышающіеся звуки его сердечнаго строя образуютъ вмѣстѣ взятые, одинъ полный аккордъ его гарманической души, въ которой все было жизнь, честь и красота. Тѣ же причины — именно изолированность и ранняя развитость — произвели на меня то дурное вліяніе, что я началъ смотрѣть на себя какъ на большаго; Слѣпцовъ своимъ примѣромъ возвратилъ меня къ дѣтству. Но наиболѣе я обязанъ ему за то, что онъ умѣлъ, иногда словомъ, а болѣе примѣромъ, совершенно разсѣять туманъ мечтательности, который по дѣйствію обстоятельствъ слишкомъ рано началъ было окружать меня. Мои туманные идеалы разсѣялись предъ свѣтлымъ образомъ того, кто для меня осуществлялъ ихъ въ себѣ. Слѣпцовъ казался мнѣ выше и прекраснѣе моихъ романическихъ героевъ. Дѣйствительность стала для меня лучше мечты. Я примирился съ нею и сталъ жить для нея. При томъ, въ этой осуществленной мечтѣ собрано было такъ много

всего благороднаго, возвышеннаго, увлекающаго, что она рѣзко отдѣлялась отъ дѣйствительности пошлой, отъ которой ребяческій инстинктъ отвелъ меня, и съ которой примириться мнѣ уже не было возможности. Мой избранный герой имѣлъ въ себѣ все что нужно было для привлеченія меня и для исправленія моихъ недостатковъ. Онъ долго не зналъ, что есть подлѣ него молодое существо, которое привязано къ нему всѣми силами души и никогда не узналъ мой Ахиллесъ, что для его маленькаго Патрокла слова его и примѣръ были священными правилами жизни. Самъ онъ, много обязанный своему происхожденію отъ фамиліи, древнія и новыя добродѣтели которой онъ ставилъ себѣ въ образецъ; ближайшимъ роднымъ, которые его воспитали; вліянію такихъ посторонихъ характеровъ, каковъ былъ характеръ его начальника Ковалевскаго; обстоятельствамъ, среди которыхъ будучи поставленъ, въ свою очередь, онъ имѣлъ сильное вліяніе на воспитаніе нѣкоторыхъ своихъ товарищей, а на мое воспитаніе, вліяніе его было могущественно. Послѣ родителей и крестной матери никому не былъ я столько обязанъ за все доброе, какъ Слѣпцову, а это былъ рѣзвый мальчикъ отъ тринадцати до шестнадцати лѣтъ. Не знаю можно ли довольно нерѣдко встрѣчать въ дѣтяхъ, одинаковаго съ нимъ происхожденія, такое богатство силъ, такую свѣжесть души и теплоту характера? Замѣчательно, что онъ былъ необыкновенно скроменъ, не хотѣлъ казаться выше своихъ лѣтъ, вовсе не былъ занятъ собою и стремился лишь къ тому, чтобы сдѣлаться человѣкомъ. Богъ благословилъ трудъ его надъ самимъ собою и тѣ должны благословлять Бога, кому посчастливилось чѣмъ нибудь добрымъ воспользоваться отъ юноши, въ которомъ такъ много было добраго. Буди благословенно имя Господне! вѣчными благословеніями да услаждается душа приснопамятнаго и вѣрнаго раба Божія, стратига Николая. Незабвенна для меня память его, незабвенны для меня въ особенности тѣ три года, которые провелъ я съ нимъ въ Горномъ Корпусѣ, гдѣ жили мы подъ одною кровлею, въ одной комнатѣ; учились въ одномъ классѣ; имѣли общій комодецъ, кровати рядомъ поставленныя; работали за одной свѣчей, даже въ общемъ ранжирѣ становились почти рядомъ. Моя привязан-

ность къ нему, его доброе вліяніе на меня не прекращалось и тогда, когда дороги наши разошлись. Я оставилъ Горный Корпусъ прежде его, въ 1832 г.; но пока не надѣлъ я куртки флотскаго юнкера, а Слѣпцовъ не перешелъ изъ Горнаго Корпуса въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, я видился съ нимъ часто и кадетскія отношенія наши не прекращались. Въ это время совершилось преобразованіе Горнаго Корпуса: ему дано военное устройство и наименованіе: Институтъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ. Съ восторгомъ разсказывалъ Слѣпцовъ о посѣщеніяхъ корпуса Государемъ Императоромъ, о томъ какъ Его Величество милостиво и просто обращался со всѣми, входя въ подробности распоряженій, какъ между прочими и Слѣпцова избралъ Государь въ унтеръ-офицеры, какъ однажды вошелъ Государь въ рисовальный классъ и, взглянувъ на рисунокъ Слѣпцова, сказалъ: „Діогенъ", а Слѣпцовъ возразилъ: „Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество: „Сократъ", и Государь былъ такъ снисходителенъ, что отвѣтилъ: „у нихъ, кажется, общая черта", указывая на недостатокъ волосъ на головѣ. Особенно восхищало его какъ Государь цѣнитъ заслуги, какъ въ разговорѣ съ Чевкинымъ, Начальникомъ Штаба, зоветъ его по имени и отчеству, а себя дозволяетъ ему именовать просто „Государь". Въ это время еще сильнѣе воспламенилась его давняя страсть къ военной службѣ. Впрочемъ, считаю долгомъ замѣтить, что не принимаю отвѣтственности за эти извѣстія, которыхъ не былъ очевидцемъ. Не то хочу сказать, чтобы Слѣпцовъ могъ солгать, но моя память могла мнѣ измѣнить и какъ-то смутно мое воспоминаніе объ этихъ случаяхъ. Они не отмѣчены и въ сохранившейся у меня тетрадкѣ, въ которой записывалъ я въ то время нѣкоторые случаи изъ своей жизни. Она потому однако и дорога для меня, что въ ней нерѣдко говорится о Слѣпцовѣ. Напримѣръ: 1833 г. 4 Февраля. Балъ у насъ окончился въ 4 часа утра. У меня остались ночевать Слѣпцовъ и Т. Мы разбужены были поутру звукомъ фортепіано въ одной изъ ближайшихъ комнатъ. Проводивъ своихъ гостей... 5 Марта. Въ 7 часовъ вечера я возвратился домой. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Слѣпцовъ съ вѣстью, что

отецъ его желаетъ, чтобъ онъ окончилъ курсъ въ Университетѣ и потомъ въ гвардію. Передъ Ильинымъ днемъ наши ѣздили дня за два въ Мурино. Въ это время гостилъ у меня Слѣпцовъ. 30 Августа. Передъ вечернимъ чаемъ пришелъ Слѣпцовъ и упрашивалъ маменьку, чтобъ отпустила меня съ нимъ на Елагинъ островъ смотрѣть фейерверкъ; но матушка не отпустила и потому мы пошли на Невскій проспектъ. Домъ передъ Императорской Публичной Библіотекой былъ отлично хорошо иллюминованъ въ китайскомъ вкусѣ; въ срединѣ сіяла звѣзда и въ ней окруженный лучами вензель Государя Наслѣдника. Съ Дворцовой набережной видѣли мы большую часть фейерверка. Въ 11 съ половиною часовъ, съ усталыми ногами, возвратились домой и, поужинавъ, легли въ постель. 31 поутру въ 8 часовъ Слѣпцовъ ушелъ въ Институтъ. 7 Сентября, по порученію Т., я долженъ былъ идти въ Горный Институтъ. Въ толпѣ товарищей я отыскалъ Слѣпцова, чтобы передать ему, что было поручено. „Хорошо“, отвѣчалъ онъ и, ударивъ пальцемъ по тетради дифференціальныхъ и интегральныхъ исчисленій, прибавилъ: „да вотъ эти проклятые дифференціалы ломаютъ мнѣ голову безпощадно. Теперь, братъ, я сознаюсь, что если злые духи существуютъ, всѣ они въ иксахъ и игрекахъ“. Я возразилъ ему: но не ты ли прежде увѣрялъ, что математическія занятія не только полезны но и пріятны. „Правда, всегда полезны; но нерѣдко весьма непріятны. Вотъ напримѣръ: дрожайшая половина нашего профессора—функція. Онъ живетъ съ нею душа въ душу, а она уже скривила ему ноги, а скоро и совсѣмъ изуродуетъ“. Однакожь кончимъ твои иксы и зеды и поговоримъ о своихъ дѣлахъ, прервалъ я; но на этихъ словахъ прервалъ нашу бесѣду колокольчикъ сзывавшій въ классы. 11 Сентября, понедѣльникъ. Я отпрашивалъ Слѣпцова изъ корпуса на вечеръ и онъ поѣхалъ въ театръ, очень довольный мною. 16 Сентября. Вечеромъ, взявъ у Слѣпцова свою книгу, я началъ переводить „Руссо“. Слѣпцовъ, по просьбѣ моей, читалъ свое поэтическое произведеніе „Слава русскихъ“. Прекрасный опытъ сей подстрекнулъ мое самолюбіе и я еще съ большею охотою продолжаю заниматься литературой. 26 Сентября, воскресенье. Пили чай. Въ это

время заѣхалъ Слѣпцовъ съ Н..... кадетомъ Горнаго Института. Онъ взялъ съ собою И—ва. 22 Октября. Вчера вечеромъ я ходилъ въ Институтъ къ Слѣпцову. 28 Октября, суббота. Вечеромъ... пришелъ въ Институтъ къ Слѣпцову. 26 Ноября, воскресенье. Сообщеніе съ тою стороною рѣки еще не установилось. Я пошелъ въ Институтъ, Слѣпцовъ при мнѣ возвратился съ той стороны. Онъ сказалъ мнѣ когда мы были одни: — „кажется я въ школу *) и я такъ радъ, что не оканчиваю здѣсь курса. Можетъ быть даже и въ уланы, только никому не говори“. Я поцаловалъ его отъ радости!...

Въ Февралѣ 1834 г. я опредѣлился на службу и въ томъ же году Слѣпцовъ поступилъ въ школу. Черезъ два года оба мы произведены въ офицеры, а въ 1840 г. вечеромъ 26 Іюля, мы т. е. я отставной Лейтенантъ и Слѣпцовъ Штабсъ-Капитанъ нижегородскихъ драгунъ выѣхали изъ Петербурга въ одной почтовой каретѣ и, въ первыхъ числахъ Августа, въ Москвѣ, разстались на вѣки или до свиданія за гробомъ, который подъ вечеръ 10 Декабря 1851 г. внезапно отворился для героя на берегахъ Гехи; а гдѣ-то и когда отворится онъ для меня, который по смерти стараго товарища и друга, конечно незамѣнимаго, не можетъ не ощущать какой-то пустоты въ жизни догильной? Осталось для меня наилучшее утѣшеніе въ томъ, что ежедневно, и въ глубокій вечеръ, и на утренней зарѣ, предъ иконами своей келіи и въ храмѣ, въ часъ богослуженія, всегда напоминаютъ мнѣ друга смертныя слова евангельскаго мытаря, — эти первыя слова начинающаго свое правило монаха и служителя алтаря и послѣднія въ этой жизни слова героя, падшаго на берегахъ рѣки Гехи! *Боже, милостивъ буди ми грѣшному!*

---

*) Т. е. въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ.

ПИСЬМА Н. П. СЛѢПЦОВА КЪ О. ЛЕОНИДУ. *)

Станица Сунжинская, 1848 года Октября 31 дня.

Письмо твое, старый камрадъ, безцѣнный отецъ Леонидъ получено мною. Не смотря на постоянную суету въ жизни моей по роду службы, а въ минуту отдохновенія, разумѣется лѣнь, я, вѣроятно, успѣлъ бы предупредить посланіе твое и прервалъ бы молчаніе, еслибъ зналъ настоящее мѣстопребываніе твое.

По склонности и мечтамъ прежде именовавшагося Льва Васильевича Краснопѣвкова, я нѣсколько разгадывалъ его будущность и потому настоящій санъ Высокопреподобія твоего не вовсе удивилъ меня. Видно такъ Богу угодно, а слѣдовательно и быть по сему.

Душевно благодарю за память обо мнѣ и за пріятныя воспоминанія юношескихъ лѣтъ. Хотя и давненько разстались мы; но былое свѣжо въ памяти, а ужъ у меня, братъ, много сѣдинъ! Добрый Зворыкинъ, поблагодари его за письмецо, передалъ тебѣ не совсѣмъ вѣрными красками портретъ мой, по всему видно, что онъ не рожденъ быть живописцемъ, за то уродился добрымъ человѣкомъ. Можетъ статься съ 1840 г. я успѣлъ перемѣниться, или наружность моя обманчива; но старый товарищъ нѣсколько запоздалъ совѣтомъ—пусть не

---

*) Въ 1834 г. Слѣпцовъ и г. Краснопѣвковъ вступили въ военную службу; въ 1840 вмѣстѣ оставили Петербургъ; въ 1845 Слѣпцовъ назначенъ начальникомъ Сунжинской военной линіи и командиромъ Сунжинскаго линейнаго казачьяго полка, а Краснопѣвковъ въ Сергіевской лаврѣ постриженъ въ монашество съ именемъ Леонида; въ 1850 Слѣпцовъ произведенъ въ Генералы, а Леонидъ въ Архимандриты московскаго Златоустова монастыря съ назначеніемъ въ ректоры Виѳанской Духовной Семинаріи, которая М. Платономъ устроена въ трехъ верстахъ отъ Сергіевой Лавры, въ уединенной живописной мѣстности. Здѣсь въ 1852 г. написаны «Воспоминанія». Виѳанію О. Леонидъ оставилъ въ 1853, переведенный въ Москву, гдѣ до апрѣля 1859 былъ ректоромъ семинаріи, а съ тѣхъ поръ состоитъ Викаріемъ Митрополита, въ санѣ Епископа Дмитровскаго.

гнѣвается—степенности; впрочемъ я съ удовольствіемъ принимаю его моральную диссертацію о степенной жизни. Потрудись, однако передать ему при свиданіи, что съ помощію Бога, съ тѣхъ поръ какъ мы съ Зворыкинымъ разстались, мнѣ удалось сформировать новую линію, далеко впереди Терека, въ странѣ непріятельской — тамъ, гдѣ театръ войны кавказской и сердце фанатизма его обитателей. Кажется, довольно степенно: на границѣ нашей съ Чечней по р. Сунжѣ поселить болѣе 7000 жителей въ прекрасныхъ селеніяхъ, которыя созданы въ полтора года и тамъ, гдѣ до нашего водворенія ходили только одни сильные отряды, теперь пашутъ и орутъ. Въ 8-ми верстахъ отъ непріятеля теперь мирно пасутся многочисленныя стада моихъ казаковъ и русскій плугъ и коса дѣйствуютъ успѣшно уже на чеченскихъ поляхъ! Конечно, не безъ военныхъ усилій, почти съ ежедневными тревогами, но все уже успѣли врѣзаться христіанствомъ въ самый магометанскій уголъ! Утѣшь же Зворыкина и скажи ему въ мое оправданіе, что на все есть свое время, а онъ вѣрно не слѣдитъ за нашими происшествіями и забылъ, вѣроятно, что въ бытность его на Кавказѣ была линія на р. Терекѣ, а теперь уже 60 верстъ впереди заселилась новая казаками на р. Сунжѣ *), и основателемъ этой новой линіи (съ помощію Бога, довольно твердой уже въ настоящее время) есть тотъ самый, которому онъ преподаетъ урокъ степенности. Давно уже прошла та счастливая пора, когда можно было мнѣ тратить время по произволу; теперь съ лѣтами попалъ на крючекъ и нѣтъ уже беззаботной минуты; даже больному быть нѣкогда и невозможно, что я не разъ испытывалъ; впрочемъ, быль молодцу не укора, прости за грѣшныя рѣчи, когда игралъ, все проигрывалъ; но при случаѣ встряхну стариной для Зворыкина и непремѣнно обыграю его при первомъ свиданіи, хотя бы онъ былъ Архимандритомъ: самъ ты посуди, зачѣмъ онъ оглашаетъ меня картежникомъ! Поцѣлуй его за меня, если новой санъ твой не воспрещаетъ дружескія объятья, о другихъ не смѣю и говорить.

*) На протяженіи 120 верстъ.

До сего времени нѣтъ ничего опредѣленнаго для моей будущности: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. По сію минуту меня еще занимаетъ моя служба и, признаться, я нѣсколько завязался въ здѣшнюю жизнь и сдѣлалъ привычку къ мѣстамъ здѣшнимъ. Что будетъ впереди, извѣстно Тому, Которому не только вы, но и мы грѣшные обязаны служить съ усердіемъ и сердечною теплотою. Душевно желалъ бы, чтобы ты пріѣхалъ сюда нашимъ Епископомъ, и какъ можно скорѣе, кажется есть уголки не хуже, а можетъ и живописнѣе Виѳаніи — такъ предполагаю.

Чтобъ тебя уколоть, нарочно пишу на цѣломъ листѣ; за будущую переписку предупреждаю, чтобы не гнѣвался, если помолчу или сокращу посланіе: право хлопотъ много, вѣроятно и у тебя ихъ довольно по твоей обязанности, но убѣдительно прошу не считаться со мной въ перепискѣ; когда время тебѣ позволитъ, не забывай меня; пиши о своемъ житье-бытьѣ, пиши чаще и подробнѣе, это будетъ мнѣ доставлять истинное удовольствіе. Адресъ мой: Начальнику Верхне-Сунжинской линіи или Командиру Сунжинскаго линейнаго казачьяго полка чрезъ Кр. Владыкавказъ въ станицу Сунжинскую. Матушкѣ твоей потрудись засвидѣтельствовать мое глубочайшее уваженіе, также и роднымъ твоимъ, помнящимъ меня. За тѣмъ еще разъ прошу тебя (отбросивъ замѣчанія, которыхъ я на себя не принимаю, потому что они не заслуженные), по старому товариществу, сохранить ко мнѣ добрыя отношенія наши прежнихъ лѣтъ и хотя изрѣдка вспоминать неизмѣннаго въ чувствахъ уваженія и преданности къ тебѣ

Николая Слѣпцова.

Саратовъ, 1848 года Декабря 3 дня.

Вотъ, наконецъ пишу къ тебѣ, мой безцѣнный другъ, изъ Саратова, удрученный тяжкою болѣзнію души и тѣла. Служилъ, служилъ, и сдѣлалъ все что могъ, съ чистыми пожертвованіями для пользы родины; едва вырвался въ отпускъ и попалъ въ кохти василисковъ. Гр. Г........ сдѣлалъ доносъ на меня Государю Императору, Мини-

стру и Князю Намѣстнику ...... употребляютъ всѣ мѣры, чтобы придать законную важность исторіи форменными слѣдствіями и частной перепиской въ Петербургъ. У меня же, кромѣ самаго себя и правоты, нѣтъ опоры, вѣроятно успѣютъ, но пусть же будетъ, какъ Богу угодно, покоряюсь Его святой волѣ.

Прощай, мой другъ, Леонидъ. Поклонись усердно роднымъ твоимъ, да извини, что долго не писалъ, я все былъ боленъ, боленъ и боленъ отъ безпокойной службы, а теперь близокъ къ могилѣ отъ клеветы и гнусностей мірскихъ.

Прощай, обнимаю тебя твой всегда и неизмѣнно товарищъ и другъ

Н. Слѣпцовъ.

Саратовъ, 3 Генваря *).

Съ новымъ годомъ и съ новымъ счастіемъ поздравляю тебя, мой добрый и многоуважаемый Леонидъ. Дай Богъ чтобъ ты, вмѣстѣ съ матушкой и всей семьей, встрѣчали множество новыхъ лѣтъ въ счастіи и полномъ благополучіи. Послѣднее письмо твое было для меня истиннымъ бальзамомъ. Я перечитываю его безпрерывно. Хотя еще бѣды со мною не случилось, кромѣ оскорбительной клеветы, пущенной до самаго Царя ..... Можетъ статься, все перемѣнится и, навѣрно, къ лучшему. Душевно, мой другъ, обязанъ тебѣ за теплое участіе ко мнѣ. Молитва твоя мнѣ дороже всѣхъ свѣтскихъ утѣхъ, вѣрь искренности чувствъ моихъ — неизмѣнно уважающаго и любящаго тебя, другъ и братъ по Христу и чувствамъ

Н. Слѣпцовъ.

PS. Матушкѣ и сестрицѣ мое искреннее уваженіе. Съ слѣдующей почтой буду писать подробности, черезъ двѣ же недѣли отправлюсь на старую родину свою.

---

*) 1849 г.

Саратовъ, Генваря 16 дня 1849 года.

Письмо твое, любезный другъ, Леонидъ, я получилъ въ Саратовѣ, писанное тобою еще 21 Ноября и послѣднее сраховымъ прямо въ Саратовъ. Премного, искренно, всей душей моей благодарю тебя за доброе ко мнѣ расположеніе и дружбу твою, которая, съ моей стороны, продлится до послѣдняго вздоха, а въ послѣднее время довольно накопилось ихъ изъ глубины души.

Извини меня великодушно, что замедлилъ отвѣтомъ на вопросы твои; на Кавказѣ, какъ и вездѣ въ русской арміи, кончившіе курсъ въ заведеніяхъ опредѣляются въ регулярные полки на 6 мѣсячномъ правѣ. Дворяне, не кончившіе курсъ, по предварительномъ не важномъ испытаніи въ Штабѣ войскъ Кавказской линіи (въ Ставрополѣ) и въ корпусномъ штабѣ (въ Тифлисѣ), опредѣляются въ полки унтеръофицерами, а по разсмотрѣніи документовъ зачисляются юнкерами, и конечно, здѣсь на линіи для такихъ молодыхъ людей вѣрнѣе выигрышъ по службѣ и безъ правъ окончившихъ курсъ; военныя отличія сокращаютъ срокъ службы безъ всякихъ запятыхъ. Въ иррегулярные полки на Кавказѣ и вездѣ не иначе можно опредѣлиться, какъ съ зачисленіемъ съ потомствомъ въ то или другое казачье войско; тамъ юнкеровъ нѣтъ и всякій начинаетъ службу рядовымъ казакомъ. На счетъ же офицеровъ есть изъятіе; для снабженія иррегулярныхъ войскъ офицерами способными къ письменной части, дозволено прикомандированіе офицеровъ изъ регулярныхъ войскъ къ казачьимъ полкамъ (весьма впрочемъ ограниченно) съ сохраненіемъ правъ, присвоенныхъ регулярнымъ войскамъ. Вотъ все, что я могу сообщить тебѣ на вопросы твои касательно опредѣленія молодыхъ людей на кавказскую службу.

Жалѣю, что, быть можетъ, мнѣ уже не придется болѣе быть полезнымъ птенцамъ, начинающимъ бурное поприще въ нашей войнѣ; тамъ и въ обществѣ каждый шагъ долженъ быть остороженъ. Азія, такъ Азія и есть. Я начинаю поправляться здоровьемъ и вслѣдъ за симъ отправляюсь въ путь обратно къ мѣсту служенія, гдѣ и буду ожидать

результатовъ слѣдствія . . . . . слѣдствія, а потомъ, быть можетъ, и суда—земнаго.

Во всемъ воля Божія и Его благость мнѣ превыше всѣхъ надеждъ земныхъ. Матушкѣ и сестрицамъ, — всей семьѣ твоей, бью низенько челомъ. Дай Богъ вамъ многое множество лѣтъ проводить въ радости, какъ вы достойны того по добротѣ чувствъ сердечныхъ и высокой душѣ вашей.

Прощай, мой другъ, извини за торопливость письма. Твои у меня сердцѣ: по нѣсколько разъ я перечитываю твои послѣднія письма и глубоко цѣню твое духовное участіе къ судьбѣ моей; будь счастливъ и не забудь всей душой и сердцемъ преданнѣйшаго и уважающаго тебя друга.

Н. Слѣпцовъ.

Ст. Сунжинская, 1849 года Августа 12.

Не гнѣвайся, безцѣнный и многоуважаемый Леонидъ, на стариннаго пріятеля, если я еще достоинъ имъ именоваться, за долгое молчаніе. Откладывая день за день, я поступалъ какъ и всѣ лѣнивые люди и вышло много времени отъ той минуты, какъ я впервые собрался писать къ тебѣ отсюда. Отдаленность почты и безконечныя хлопотишки по службѣ — не могутъ служить мнѣ оправданіемъ. Душевно и премного обязанъ за память твою обо мнѣ и молитвы къ заступникамъ нашимъ во всѣхъ горяхъ житейскихъ; съ Божію помощію я снова на Сунжѣ, и теперь только успокоился; ибо извѣстное тебѣ дѣло обратилось въ ничтожество, откуда произошло. Сосѣди мои живутъ смирно и я рѣшился ихъ безъ нужды не тревожить, а потому, какъ можешь замѣтить, у меня бездѣйствіе; за то мирныя занятія вознаграждаютъ застой по ремеслу нашему: казаки преспокойно убрали изобильные хлѣба свои; виноградъ (изъ крымскихъ лозъ) далъ первый плодъ въ моемъ саду, и я намѣренъ, хотя для пробы, произвесть сунжинское винцо. Кромѣ того, открытыя здѣсь минеральныя воды превзошли ожиданія медиковъ по своей пользѣ и я занялся ихъ устройствомъ. Благодаря Всевышняго все идетъ успѣшно, быстро и

удачно въ развитіи благосостоянія новыхъ поселеній. Здѣсь всѣхъ занимаетъ европейская война; ты не можешь себѣ вообразить, съ какою жадностію поглощаются извѣстія изъ дѣйствующей арміи нашей, но покудова рѣшительнаго еще нѣтъ ничего. Матушкѣ и всѣмъ роднымъ твоимъ свидѣтельствую мое глубочайшее уваженіе и душевную признательность за вниманіе и память обо мнѣ. Не забывай меня, мой другъ, своимъ расположеніемъ и въ досужныя минуты не отказывай утѣшать поучительными строчьками своими. Вѣрь неизмѣнной преданности и уваженію, съ каковыми остаюсь навсегда твой наипреданнѣйшій и наипокорнѣйшій къ услугамъ

Н. Слѣпцовъ.

Ст. Сунжинская, 10 Октября *).

Не прогнѣвался ли, безцѣнный мой другъ Леонидъ, на меня? признаюсь, сомнѣніе зародилось въ душѣ моей, съ тѣхъ поръ, какъ не получаю отъ тебя никакой вѣсти. Здравъ и благополученъ — вотъ два слова, которыя меня могутъ истинно утѣшить въ моей безотрадной жизни: въ числѣ не многихъ моихъ добродѣтельныхъ пріятелей ты именно занимаешь первѣйшее и почетнѣйшее мѣсто.

Всѣ ли благополучны въ семействѣ твоемъ и добрая матушка? — отзовись, и если заслуживаю, что можетъ быть какъ человѣкъ да еще изъ странъ кавказскихъ, то пожалуйста жури, какъ слѣдуетъ, и по пріятельски, и по сану. Я писалъ къ тебѣ; можетъ быть, ошибочно сдѣлалъ адресъ? не перемѣнилъ ли мѣсто или не избралъ ли другую обитель: пожалуйста обо всемъ увѣдомь. У насъ особенныхъ новостей, заслуживающихъ вниманія твоего, нѣтъ; война идетъ по немножку, это обычное здѣсь дѣло, хотя и не такое громкое, какъ дѣла венгерскія. Благодаря Бога, однако, кончилась европейская, опять примемся за нашу азіатскую.

Третьяго дня я получилъ увѣдомленіе о награжденіи меня орденомъ Св. Владиміра 3-й степени **). Къ утѣшенію твоему скажу, я на-

*) 1849 г.

**) Слѣпцовъ былъ и кавалеромъ св. Георгія 4 степени. Послѣдняя его награда послѣ нуркинскаго дѣла, въ 1851 г. былъ орденъ Станислава первой степени.

чалъ наконецъ двѣ церкви, а до селѣ довольствовался одними молитвенными домами, что уже крѣпко грустно было. Служба у меня производится, благодаря Создателя, довольно благолѣпно, даже пѣвчіе сформированы и уже могутъ назваться препорядочными. Среди самыхъ сельскихъ занятій, жизнь моя съ нѣкоторыхъ поръ, течетъ тихо и мирно; хотя и не такъ свято, какъ можетъ быть, въ твоей обители. А право, когда здѣсь нѣтъ войны, то жизнь истинно монашеская.

При постоянномъ желаніи добраго здравія и всего радостнаго, прекраснаго и отличнаго въ жизни твоей съ семействомъ и матушкой, и всѣми близкими твоими, съ неизмѣннымъ уваженіемъ и вѣчной преданностью навсегда твой наипреданнѣйшій и наипокорнѣйшій слуга

Н. Слѣпцовъ.

Кр. Владыкавказъ, 21 Генваря 1850 года.

Воскресенье.

Съ новымъ годомъ и новымъ благополучіемъ поздравляю тебя, мой безцѣнный Архипастырь *). Всещедрый Творецъ пошлетъ и въ семействѣ твоемъ прекращеніе горя житейскаго, превративъ огорченія въ радости на множество лѣтъ. Сочувствую искренно и глубоко всему, до тебя и родныхъ твоихъ относящемуся. Прими мое душевное поздравленіе и матушкѣ, и всѣмъ роднымъ, меня помнящимъ. Дай Боже, вамъ наслаждаться всѣмъ прекраснымъ въ жизни, какъ вы того отъ милости Создателя заслуживаете. Въ жизни не безъ горя, но по счастію, одно смѣняется другимъ; конечно потеря велика, но на то Его Священная воля **). Знаешь ли ты благородный, добродѣтельный товарищъ и другъ, что я никогда иначе не воображалъ тебя, какъ Архипастыремъ, и твоя судьба должна возвысить тебя на твоемъ поприщѣ болѣе и болѣе къ истинной пользѣ духовнаго званія Греко-Россійскаго. Призваніе рѣдко бываетъ не оправдательно! Благодарю

---

*) По ошибкѣ приписанъ титулъ, архимандриту не принадлежащій

**) А. Леонидъ извѣстилъ о вдовствѣ сестры Екат. Вас. Ушаковой, на свадьбѣ коей Слѣпцовъ пировалъ въ С. Петербургѣ.

тебя, мой другъ, отъ всей души моей за твою память и благородную дружбу; не знаю кто бы другой могъ такъ искренно оцѣнивать все участіе и вниманіе ко мнѣ. Слеза благодарности отвѣтомъ на твои привѣты. Богъ милостивъ и ко мнѣ вашими молитвами.

Сію минуту отправляюсь въ храмъ, и не одинъ, а много земныхъ поклоновъ отправлю въ хвалу Источника радостей. Извини меня, мой другъ, я тороплюсь оканчивать письмо мое, и не гнѣвайся, если я такъ давно не бесѣдовалъ съ тобою: я все былъ въ походѣ, а теперь пріѣхалъ сюда прямо съ бивуака по разнымъ дѣламъ. Какъ мнѣ прискорбно, что я не могу отвѣтить на разумнѣйшіе вопросы старца настоятеля теперь же *), и какъ меня порадовалъ его просвѣщенный взглядъ на край, запутанный для постороннихъ, не изслѣдовавшихъ опытомъ его вдоль и поперегъ. Хвала и честь нашему духовенству, впрочемъ оно съ давнихъ временъ идетъ рука объ руку съ воиномъ: въ этомъ есть сила оружія нашего. Постараюсь непремѣнно отвѣтить въ болѣе свободныя минуты.

Всѣмъ вашимъ мое глубочайшее уваженіе, а матушку благодари снова за ея истинно нѣжное вниманіе и память обо мнѣ. При пожеланіи добраго здравія и всѣхъ лучшихъ радостей въ жизни—

Неизмѣнно и вѣчно уважающій и безпредѣльно преданнѣйшій твой

Н. Слѣпцовъ.

Ст. Сунжинская, 1850 года Марта 17.

Любезный и безцѣнный другъ мой Леонидъ! При всемъ твоемъ благочестіи и сердечной тишинѣ, по сану твоему и благородному характеру, какъ человѣкъ впрочемъ, вѣроятно, ты на меня посердился за весьма и весьма длинный промежутокъ между твоими письмами и моимъ отвѣтомъ. Возьми же прилагаемое при семъ письмо, и ты увидишь, кто виновенъ; не знаю уже, по чему оно странствовало и, не дойдя по адресу, возвратилось обратно. Вѣрь, мой добрый, благородный другъ,

---

*) Намѣстника Сергіевой Лавры, о. архимандрита Антонія.

что каждая строчка твоя—отрада мнѣ и наслажденіе, и чувство уваженія и вѣчной привязанности не измѣнится никогда въ отношеніи къ тебѣ и роднымъ твоимъ, коимъ прошу отъ меня засвидѣтельствовать мое глубочайшее уваженіе, а у матушкѣ поцѣловать ручку. Я здѣсь въ постоянныхъ заботахъ и хлопотахъ — съ каждымъ днемъ новыя и новыя: край дикій и народъ его не умѣренный въ желаніяхъ и докучливый до невѣроятности; цѣлые дни провожу въ разъясненіяхъ разныхъ недоразумѣній каждому татарину, которые стекаются ко мнѣ не менѣе 50 человѣкъ всякій день. Дай Богъ, тебѣ встрѣтить Свѣтлый праздникъ въ новой радости для себя и семейства твоего и забыть прошлое, неизбѣжное въ жизни человѣческой, но всегда прискорбное для истинныхъ родныхъ.

Прощай, нарочный ждетъ давно, я отправляю бумаги въ Владыкавказъ и пользуюсь случаемъ написать тебѣ сіи несвязныя и тороп-ливыя строчки.

Прости, мой другъ. Дай, Боже, тебѣ счастья и радости въ жизни на утѣшеніе всѣхъ истинно любящихъ и уважающихъ тебя, въ числѣ коихъ я конечно изъ первыхъ навсегда и неизмѣнно весь твой

Н. Слѣпцовъ.

Незабвеный и премного почитаемый другъ мой Леонидъ! Сколько я обязанъ за добрую память твою и прекрасный подарокъ коимъ ты истинно меня осчастливилъ; съ жадностью религіозною я встрѣтилъ твои двѣ книги и конечно онѣ будутъ и вѣчными моими спутниками въ жизни и назиданіемъ на все полезное и доброе по силамъ моимъ. Прости меня, мой другъ, что я не отвѣчалъ на два письма твои. У насъ было много хлопотъ по случаю незабвеннаго путешествія Его Высочества Государя Наслѣдника. Въ числѣ прочихъ и Сунжинцы не забыты Его милостивымъ вниманіемъ; казаки мои удостоились Ему подвести коня съ боевымъ уборомъ, принятаго благосклонно. Письма твои, истинно говорю, для меня наслажденіе; перечитываю ихъ по нѣсколько разъ и горжусь твоей памятью. Дай, тебѣ, Господи, болѣе и болѣе для блага вашей духовной паствы и насъ православныхъ почи-

тателей всего доблестнаго въ духовенствѣ нашемъ. Но вѣрно ты не остановишься долго на занимаемомъ теперь поприщѣ, а пойдешь дальше и дальше, да сбудутся же и мои предсказанія. Не знаю еще, что мнѣ предстоитъ, ваши ступени тверже и прочнѣе, а наши шатки по закону житейскихъ превратностей. Впрочемъ, да будетъ Его Святая воля, Творца Небеснаго. Буду идти пробитымъ путемъ, не прельщаясь розовой будущностію: тогда и случайная горечь не будетъ ядовита.

Матушкѣ и роднымъ твоимъ поклонись отъ меня низенько съ вѣчной признательностію моей за ихъ добрую обо мнѣ память. Обыкновенная жизнь моя скучна и безцвѣтна, не стоитъ и писать объ ней, а военную дѣятельность я покудова пріостановилъ по обстоятельствамъ. Пишу это посланіе изъ Владыкавказа, куда прибылъ по разнымъ служебнымъ дѣлишкамъ, а отчасти проволочить нѣсколько дней, чтобы разогнать тоску и скуку длинныхъ предлинныхъ вечеровъ. Впрочемъ и здѣсь мои планы на спокойствіе рушились; ибо получилъ вѣсть о пріѣздѣ служебнаго лица, съ коимъ надо объѣзжать линію. Нельзя не воскликнуть: суета суетъ и всяческая суета. Такова, мой другъ, неоцѣненный другъ, и наша жизнь. Едва ли ты выбралъ не самый лучшій полетъ для души; не смѣю завидовать, ибо зависть есть уже порокъ по зародышу своему, но утѣшаться за тебя могу отъ всего сердца моего.

Прощай, незабвеннѣйшій другъ, обнимаю и благодарю тебя отъ всей души за добрую память твою, не оставляй меня своими живительными, истинно отрадными строчками. Да благословитъ тебя Господь на все прекрасное, какъ это было доселѣ и ниспошлетъ доброе здоровье, столь нужное на твоемъ пути. Не забудь и не забудь твоего до гроба

Н. Слѣпцова.

При первомъ случаѣ буду писать, прости за торопливость.

Ст. Сунжинская, 1851 года Марта 12 дня

Поспѣшаю увѣдомить тебя, другъ Леонидъ, что опредѣленіе юноши, тобой протежируемаго, есть весьма легкое дѣло; стоитъ только

подать просьбу на опредѣленіе съ представленіемъ документовъ и съ обезпеченіемъ поступить въ казачье сословіе навсегда съ потомствомъ. Но выгодно ли будетъ для того, о комъ заботишься — это ужъ дѣло другое, и жизнь, и служба казацкая, и бытъ ея не очень легки. Дай Богъ, чтобъ ему улыбнулось счастье лѣтъ черезъ пять выбраться изъ простыхъ казаковъ (какъ всѣ должны опредѣляться, исключая офицеровъ) въ офицерское званіе, да и то казакамъ не даетъ особенныхъ преимуществъ для потомства. Что же касается до участія съ моей стороны, то въ этомъ ты сомнѣваться не долженъ и не можешь, доколѣ я живу и что нибудь здѣсь отъ меня зависитъ. Лишь бы юноша оправдалъ себя предъ тобой усердіемъ и стараніемъ по службѣ. Съ переселеніемъ сюда ему нужно будетъ на свой счетъ обзаводиться всѣмъ необходимымъ; жалованье нижнихъ чиновъ ничтожное; казаки служатъ болѣе за земли, которыми владѣютъ, извлекая изъ нихъ всю помощь при снаряженіи на службу. Сколько могу, на первый случай, я готовъ ему помочь. Скучненько мнѣ было, не получая отъ тебя вѣсточки. Боялся уже не разсердился ли на меня за что! Душевно сожалѣю о больныхъ твоихъ, не откажи передать имъ мое уваженіе искренее и глубокое, съ сердечнымъ желаніемъ скорѣе выздоровѣть и быть всегда въ радости и добромъ здравіи. У меня горе не малое. Много я потерялъ добрыхъ товарищей въ жаркомъ, но почти безплодномъ бою въ лѣсныхъ горахъ. Вотъ мѣсяцъ, какъ я скорблю о потерѣ храбрыхъ товарищей своихъ. На дняхъ опять иду: что-то Богъ пошлетъ. Во всемъ Его Святая воля и промыслъ Его неисповѣдимъ. Много утѣшительнаго сказалъ ты мнѣ, передавъ добрую память досточестнаго Архипастыря нашего Преосвященнаго Іереміи, съ которымъ я почти не имѣлъ счастія бесѣдовать, и только два раза видѣлся на самый короткій срокъ *).

Пошли тебѣ, Господи, всего лучшаго въ жизни, весною мнѣ пред-

---

*) Преосвященный Іеремія, бывшій епископъ кавказскій, посѣтилъ Лавру и Виѳанію, изъ Москвы, чрезъ которую проѣзжалъ въ Нижній, на каѳедру котораго былъ переведенъ изъ Полтавы.

стоитъ много хлопотъ особенныхъ. Но буду писать при первой возможности. Будь здравъ и не забудь премного уважающаго тебя.

Н. Слѣпцовъ.

Михаиловъ, минеральныя воды на Сунжѣ, 1851 г. Августа 11 дня.

Душей и сердцемъ признателенъ тебѣ, безцѣнный другъ и братъ Леонидъ за твою неизмѣнно добрую память обо мнѣ. Дай тебѣ Господи, всего, тобой отъ Бога заслуженнаго, и съ матушкой и со всѣми родными твоими. Засвидѣтельствуй имъ мое усерднѣйшее почтеніе и неизмѣнную преданность. Я еще боленъ и лечусь на своихъ водахъ. Слава, Тебѣ Господи, начинаю ходить съ костылемъ *). Водица богатырская исправила мое калечество, хотя еще и не совсѣмъ поправился, но недѣльки черезъ двѣ рискну и на коня. Что за-воды здѣшнія еслибъ тебѣ разсказать всѣ случаи, то не повѣришь. Баснословная цѣлительность ихъ. Во все время я не оставлялъ, по возможности, занятій своихъ; все идетъ у насъ довольно благополучно и работы по окончательному устройству линіи идутъ успѣшно. Прости, другъ, что пишу мало, отчасти болѣзнь меня останавливаетъ, а отчасти и наиболѣе, какъ потокъ текущія дѣлишки. Пиши, ради Бога, не забывай меня, строки твои я съ наслажденіемъ по нѣсколько разъ перечитываю. Еслибъ мнѣ удалось побывать въ Москвѣ, увидѣть и обнять тебя я былъ бы весьма счастливъ,—не знаю, удастся ли? впрочемъ, не теряю надежды и уповаю на Господа. Прощай, прости за это посланіе торопливое, вѣрь неизмѣнной дружбѣ и уваженію моему къ тебѣ на вѣки вѣковъ; аминь. Твой навсегда

Н. Слѣпцовъ.

Ст. Сунжинская, 1851 года Ноября 12 дня**).

Письмо твое, многопочитаемый другъ Леонидъ, я получилъ, но г. Поморцева нѣтъ доселѣ; исполню все по твоему желанію. Скорблю душой о здоровьѣ твоемъ; подкрѣпи его сила Небесная на пользу родины нашей и во славу Божію. Кланяюсь низенько матушкѣ и всѣмъ

*) Послѣ раны пулею въ ногу, въ Нуркахъ.

**) Писано за 28 дней до смерти.

роднымъ твоимъ. Я получаю новое назначеніе и буду жить въ Владыкавказѣ *). Когда прочтешь въ приказахъ, то такъ и адресуй. У меня теперь много заботъ и хлопотъ. Здоровье мое, благодаря Создателя, поправилось почти совершенно, исключая—духъ мраченъ и душа страдаетъ, самъ незнаю отъ чего. Прости, мой другъ, твой неизмѣнно любящій, почитающій и преданнѣйшій до гроба

Н. Слѣпцовъ.

PS. Если силы позволятъ, пиши хотя одну строчку, а я тоже выберу посвободнѣе время и размахнусь подлиннѣе письмомъ.

„Воспоминанія" и нижеслѣдующее „Письмо" писаны, тѣ въ окрестностяхъ Москвы, это на Кавказѣ, людьми другъ другу совершенно незнакомыми, но въ одно и тоже время подъ одинаковыми впечатлѣніями недавней потери. При сличеніи нельзя не замѣтить какъ въ Слѣпцовѣ, въ юномъ возрастѣ, слагались тѣ черты характера, которыя такъ сильно развились въ возрастѣ мужескомъ. По этому прекрасной статьѣ г. Циммермана здѣсь необходимо присутствовать: она довершаетъ и увѣнчиваетъ „Воспоминанія".

Письмо изъ ст. Сунжинской

(нынѣ Слѣпцовской) **).

10 Декабря 1851 г. Гехинскій отрядъ подъ предводительствомъ Генералъ-Маіора Слѣпцова имѣлъ жаркое и блистательное съ непріятелемъ дѣло на правомъ берегу р. Гехи.

Еще 7 Декабря, часа въ три пополудни, непріятель вывезъ одно орудіе на опушку лѣса на правомъ берегу Гехи и сдѣлалъ изъ него

*) Начальникомъ Владыкавказскаго Округа, образовавшаго тогда какъ-бы военно-губернаторство.

**) Статья изъ газеты «Кавказъ», Подполковника, нынѣ Генерала Циммермана.

нѣсколько выстрѣловъ по лагерю отряда, расположеннаго въ Гехинскомъ ущельѣ. Канонада изъ нашихъ орудій заставила Чеченцевъ сейчасъ увезти назадъ свою пушку. Начальника отряда не было въ то время въ лагерѣ, онъ ѣздилъ въ укр. Урусъ-Мартанъ. Возвратясь оттуда на другой день, онъ узналъ чрезъ лазутчиковъ, что непріятель намѣренъ снова сдѣлать попытку стрѣлять по лагерю, и что въ томъ мѣстѣ, куда Чеченцы вывозятъ свое орудіе, устроены ими огромные завалы. Вслѣдствіе того сдѣланы были Генераломъ Слѣпцовымъ слѣдующія распоряженія, чтобы выбить непріятеля изъ заваловъ, и, если можно, захватить орудіе: одна колона изъ спѣшенныхъ казачьихъ охотниковъ и 2-го Тенгинскаго баталіона должна была войти въ лѣсъ, идущій по правому берегу рѣки, по первому выстрѣлу изъ непріятельскаго орудія, броситься на путь отступленія Чеченцевъ и штурмовать тамъ завалы. Центральная колона, подъ личнымъ предводительствомъ Генерала, изъ баталіона пѣхоты, 2-хъ сотенъ казаковъ и 2-хъ конныхъ орудій, по первому же выстрѣлу, должна была кинуться по правому берегу рѣки, кавалерія впереди прямо летѣть на завалы и орудіе. Наконецъ, 3-й колонѣ, больше прочихъ по составу, назначено было стоять на лѣвомъ берегу Гехи, на Нуриковской полянѣ, рубить лѣсъ и быть въ готовности, въ случаѣ появленія непріятеля съ орудіемъ, перейти на правый берегъ и содѣйствовать колонѣ Генерала. 9 число прошло въ ожиданіяхъ, которыя на этотъ разъ не сбылись: непріятель не перевезъ орудія. 10-го лазутчики пришли съ донесеніемъ, что въ этотъ день многочисленное скопище непріятельское непремѣнно явится и Чеченцы будутъ стрѣлять изъ своего орудія по пѣхотѣ, рубящей лѣсъ. Часовъ въ 10 войска были на назначенныхъ мѣстахъ. Въ 1 часу Генералъ приказалъ колонѣ охотниковъ тихо войти въ лѣсъ и залечь тамъ. Онъ былъ въ большомъ нетерпѣніи. Наконецъ, въ началѣ 3 часа раздался выстрѣлъ изъ непріятельскаго орудія. Генералъ вскочилъ на лошадь, бросился къ кавалеріи, закричалъ ей „на конь! на конь!“ и поѣхалъ по правому берегу рѣки, сперва рысью, потомъ пустился скакать. Я находился при немъ. Двѣ сотни неслись за нами на полномъ карьерѣ. Мы проскакали версты полторы и были

уже на одной высотѣ съ колоной, находившейся на лѣвомъ берегу. Генералъ, скакавшій впереди, сказалъ: „господа кричите ура! кричите ура!“ Мы вынули шашки, продолжали нестись во весь духъ и влетѣли на поляну, усѣянную рѣдкими деревьями. Тутъ былъ непріятель и привѣтствовалъ насъ градомъ пуль. Но, приведенный въ замѣшательство появленіемъ кавалеріи, которой онъ не ожидалъ съ этой стороны, ошеломленный ея ударомъ, услыхавъ слѣва „ура“ охотниковъ, заходившихъ ему въ тылъ, онъ бросился бѣжать. Казаки догоняли и рубили пѣшихъ Чеченцевъ; много ихъ здѣсь погибло. Кавалерія, вся въ разсыпномъ строѣ, скакала впередъ, перепрыгивая чрезъ срубленныя и наваленныя деревья. Въ лѣсу раздавался грохотъ отъ перестрѣлки и гремѣло всюду русское „ура“. Пронесшись далѣе, кавалерія остановилась наконецъ предъ огромными завалами, чрезъ которыя трудно и пѣшему перейти. Бѣгущій непріятель прикрылся ими и открылъ сильный огонь. Поспѣла пѣхота.

Когда кавалерія остановилась передъ завалами (по свидѣтельству всѣхъ, которымъ знакома здѣшняя война), рѣдкими по величинѣ и длинѣ своей, онъ послалъ меня съ приказаніемъ пѣхотѣ идти какъ можно скорѣе. Черезъ 10 минутъ приведенъ былъ баталіонъ Навагинцевъ (первая пѣхота попавшаяся мнѣ на встрѣчу). Густая цѣпь ихъ открыла сильный огонь и, подойдя къ завалу, который тянулся длинною линіею, залегла за нимъ. Непріятель быстро отступалъ, лѣсъ былъ покрытъ бѣгущими Чеченцами. Генералъ стоялъ правѣе навагинской цѣпи, окруженный лишь своимъ казачьимъ эскортомъ. При немъ не находилось въ эту минуту ни одного офицера (всѣ были разосланы съ приказаніями). Онъ былъ на своемъ знаменитомъ конѣ, на которомъ онъ скакалъ на Шалинскій окопъ, былъ въ Шалажинскомъ дѣлѣ и въ Нуркахъ, гдѣ его ранили; издали легко можно было различить его по шапкѣ съ краснымъ верхомъ. Онъ кричалъ Навагинцамъ: „впередъ ребята, чрезъ завалы!“ Вдругъ пуля ударила его въ грудь подъ ложечку; онъ круто повернулъ коня на право, сказалъ своимъ конвойнымъ казакамъ: „возьмите меня,“ ухватился за гриву и сталъ валиться съ лошади. Въ это время я подскакалъ къ нему. Издали еще я кри-

чалъ „прикажите-ли, Ваше Превосходительство, пѣхотѣ идти черезъ завалы?“ и удивлялся, что онъ мнѣ не отвѣчаетъ. Подъѣхавъ ближе, я увидалъ, что его снимаютъ съ лошади. Онъ былъ очень блѣденъ и молчалъ. Никто не зналъ, куда онъ раненъ, крови не было видно. Его положили на бурку и понесли изъ огня. Минуты черезъ двѣ онъ сказалъ: „Команду послѣ меня принимаетъ Полковникъ Каревъ; гдѣ Баронъ Сталь?“ (отрядной квартирмейстеръ). Пріѣхалъ Баронъ Сталь. Онъ повторилъ ему это приказаніе. Его понесли далѣе. Явился докторъ. Генерала положили на землю и стали раздѣвать; докторъ отстегнулъ его кинжалъ, снялъ поясъ съ пистолетомъ, растегнулъ черкеску, бешметъ; тогда на бѣлой рубашкѣ показалось небольшое кровавое пятно. Докторъ опустилъ зондъ въ рану, не ощупалъ пули и вынулъ тотчасъ назадъ зондъ. Я отвелъ его въ сторону и спросилъ шепотомъ: „что, какова рана?“ „Смертельная“ отвѣчалъ онъ. „Безполезно даже искать пулю“. Его понесли далѣе. Отъ солдатъ и казаковъ скрыли смерть любимаго ими начальника. Генералъ Слѣпцовъ испустилъ духъ въ то время, какъ его переносили черезъ рѣку, слѣдовательно еще на полѣ сраженія. Докторъ Лужинскій находился при немъ до послѣдняго издыханія и помнитъ всѣ слова, имъ произнесенныя. Онъ спросилъ: „взята-ли пушка?—“Ему отвѣчали: Нѣтъ, но за то много побито Чеченцевъ.— Онъ сказалъ: „Ну и то хорошо, слава Богу“. Мысль о его войскахъ, о ввѣренномъ ему отрядѣ не оставляла его до послѣдней минуты; онъ вслушивался въ гулъ перестрѣлки, гремѣвшей въ лѣсу, спрашивалъ: „Соединились-ли съ колоной охотниковъ, не велика-ли потеря у насъ?“ Сталъ молиться: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!“ Онъ былъ глубоко религіозенъ и умиралъ съ твердою вѣрою въ вѣчную жизнь. Онъ не страдалъ: агонія его не была мучительна. Ни одного крика и стона не вырвалось изъ его устъ. Жилъ онъ съ полчаса послѣ роковаго удара и—заснулъ. Никто не примѣтилъ, какъ отлетѣлъ могучій духъ вождя. Трупъ его былъ перенесенъ казаками въ лагерь и глаза закрыты тамъ преданными ему людьми.

Такъ палъ смертію героя въ самомъ пылу боя доблестный генералъ Слѣпцовъ, благороднѣйшій изъ благородныхъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ.

Всѣ жалѣютъ о немъ отъ начальниковъ до послѣдняго солдата. Скорьбь общая и нелицемѣрная.

Между тѣмъ, палъ онъ завидною смертію на своемъ посту исполняя свой долгъ. Онъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ (33-хъ лѣтъ) *), совершивъ уже блистательную карьеру, составивъ себѣ имя громкое въ Кавказскихъ войскахъ, грозное для Чеченцевъ, имѣя ни чѣмъ незапятнанную репутацію, умеръ смертью вождя, среди лобѣды и тріумфа. Сдѣлалъ довольно для своей славы. Былъ гордость, честь и надежда Кавказской Арміи. На поляхъ Чечни никогда не было столь отважнаго витязя. Память его будетъ священна для всѣхъ, кто имѣлъ счастіе его знать.

Онъ былъ средняго роста, худъ и сухъ. Блѣдное лицо его, покрытое загаромъ отъ солнца боевыхъ полей Чечни, было очень красиво. Строгій, благородный профиль, орлиный носъ, густые, короткіе усы, бакенбарды, обходившіе кругомъ лица и черные глаза, которыхъ обыкновенное выраженіе было мягкое и ласковое, но которые въ минуту одушевленія и гнѣва сверкали какъ угли, составляли въ цѣломъ одну изъ тѣхъ физіономій, которыя нельзя забыть, видѣвъ ихъ хотя одинъ разъ. Я какъ будто теперь гляжу на него, какъ онъ сидитъ, бывало, задумавшись, около палатки, въ своей высокой генеральской шапкѣ, желтой черкескѣ и короткой шубѣ. Волосы его были густые, курчавые и черные, какъ смоль; серебро сѣдинъ стало пробиваться въ нихъ (онъ началъ сѣдѣть послѣ Шалажинскаго дѣла). Онъ быстро ходилъ, движенія и жесты его были рѣзки; говорилъ скоро; когда былъ въ волненіи, то не много заикался. Голосъ его былъ пріятенъ, имѣлъ особенный тонъ; въ минуты же гнѣва и раздраженія дѣлался необыкновенно звонкимъ и крикливымъ. Онъ былъ чрезвычайно раздражителенъ, вспыхивалъ какъ порохъ, имѣлъ самую волканическую, огнен-

*) Онъ родился 1815 г., 6 дек., слѣд. скончался ровно 36 лѣтъ.

ную натуру. Какъ благородный металлъ, онъ скоро раскалялся и столь же скоро хладѣлъ. Когда, что-либо исполнялось противъ его приказаній и этимъ нарушались его распоряженія, онъ приходилъ въ совершенную ярость, кричалъ пронзительно, пѣна била изъ его рта. Но этотъ взрывъ страсти скоро проходилъ, и онъ иногда (если былъ не правъ) спѣшилъ извиняться передъ тѣмъ, на кого излился его гнѣвъ. Были примѣры, что онъ передъ всѣми просилъ прощенія у простыхъ казаковъ. Никто изъ тѣхъ, которые подвергались его справедливому гнѣву, не чувствовалъ себя оскорбленнымъ.

Преобладающее военное качество въ немъ была отвага безоглядная. Онъ былъ храбръ, какъ рыцари въ романахъ, какъ паладины среднихъ вѣковъ. Не было преграды, которая бы его остановила, опасности, которой бы онъ устрашился, предпріятія военнаго, которое счелъ бы неисполнимымъ. Это былъ Баярдъ Кавказской Арміи, рыцарь безъ страха и упрека. Но, что́ бы я ни сказалъ здѣсь, какъ бы не хвалилъ его, все это будетъ мало и дастъ лишь слабое понятіе о томъ сколь онъ былъ благороденъ и неустрашимъ.

Память о немъ всегда сохранится въ Сунжѣ среди населенія, имъ водвореннаго, въ землѣ, которую онъ покорилъ Русскому Скипетру, отнимая ее у враговъ, шагъ за шагомъ, наводя на нихъ ужасъ своими смѣлыми набѣгами и повторяя ударъ за ударомъ. Имя его, воспѣтое въ казачьихъ пѣсняхъ, не будетъ забыто потомствомъ; онъ сдѣлается любимымъ героемъ сказаній и легендъ этого края. Дѣти нынѣшнихъ казаковъ будутъ пѣть боевую пѣснь Сунжинскаго полка:

Стая на небѣ орловъ
Тучу разсѣкаетъ,
На Чеченцевъ нашъ Слѣпцовъ
Съ Сунжей *) налетаетъ.

Онъ имѣлъ всѣ типическія свойства русскаго человѣка: гостепріименъ, радушенъ, хлѣбосолъ. Домъ его и карманъ были открыты для всѣхъ. Онъ истратилъ все свое состояніе въ Сунжинскій полкъ.

---

*) Сунжа — Сунжинскій полкъ. Сунжинскіе казаки.

Общій голосъ далъ ему прозваніе, свидѣтельствующее о томъ, какъ всѣ вѣрили въ его безкорыстіе; его назвали безсребренникомъ. Въ кошелькѣ его, послѣ смерти, нашли одинъ гривенникъ! Онъ выражался просто, не стараясь отыскивать и придумывать фразъ, говорить красно и высокопарно; въ разговорѣ любилъ употреблять уменьшительныя слова; былъ чрезвычайно ласковъ и привѣтливъ. Искусственнаго въ немъ ничего не было; ложь и притворство были ему незнакомы и недоступны.

Сунжинскій полкъ и Сунжинская линія созданы имъ въ осуществленіе предначертаній Главнокомандующаго. Генералъ Слѣпцовъ былъ вѣрный и точный исполнитель воли Князя-Намѣстника *). Всѣ станицы на Сунжѣ построены имъ. Въ первые годы устройства Сунжинской линіи, тревоги на ней были безпрестанныя, Чеченцы часто дѣлали набѣги и Слѣпцовъ съ своими казаками не зналъ покоя. Бывало, раздастся пушечный выстрѣлъ, возвѣщавшій появленіе непріятельской партіи, и на линіи уже тревога; казаки поспѣшно вооружаются, садятся на коней и скачутъ изъ станицъ на сборный пунктъ. Слѣпцовъ ведетъ ихъ отбивать скотъ, отогнанный непріятелемъ, преслѣдовать Чеченцевъ или отрѣзать имъ путь отступленія и истребить. Послѣ удачнаго дѣла, летучій отрядъ возвращается на линію. Пѣсни гремятъ въ рядахъ казаковъ; они идутъ, неся трофеи, отбитое оружіе, значки, ведутъ не многихъ плѣнныхъ, а за ними кони, бранные товарищи, везутъ перекинутыя чрезъ сѣдла тѣла побитыхъ казаковъ. Вѣсть о дѣлѣ прилетаетъ въ станицу; разсказываютъ кто убитъ, кто раненъ. Толпа собирается для встрѣчи у воротъ. При восклицаніяхъ ея побѣдитель въѣзжаетъ въ станицу. Но радость торжества нарушается печальною сценою. Съ воплемъ укора бросаются на встрѣчу вождю жены и дѣти убитыхъ. Онъ кидаетъ имъ деньги, даетъ семьѣ убитаго казака 100—150 руб. сер., обезпечиваетъ ихъ будущность. Столь благороднымъ образомъ прожилъ онъ все свое состояніе.

Вотъ отъ чего любили его такъ казаки, отъ чего скорбятъ они нынѣ и горючія слезы текутъ по изрубленнымъ лицамъ,

*) М. С. Воронцова.

У него были свои странности. Напримѣръ, онъ, воинъ столь отважный и смѣлый, прославившійся своимъ безстрашіемъ на Кавказѣ, гдѣ такъ много неустрашимыхъ людей, боялся, и какъ еще боялся— различныхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся, боялся ихъ до ребячества, до смѣшнаго, боялся ихъ, какъ левъ боится пѣтушьяго крика. Когда онъ увидитъ, бывало, гадину, то сейчасъ измѣнится въ лицѣ. Въ станицѣ Самашки много ядовитыхъ пауковъ; онъ не любилъ тамъ бывать и говаривалъ: „тамъ паучки есть!“ Когда онъ пріѣзжалъ туда и сидѣлъ у станичнаго начальника, то всегда осматривался; ему казалось, что по немъ ползаютъ пауки. Къ сверчкамъ въ особенности онъ имѣлъ страшное отвращеніе. При мнѣ разъ, въ укр. Ачхоѣ, онъ увидалъ сверчка въ комнатѣ, сейчасъ поблѣднѣлъ и закричалъ: „Ларька, Ларька, лови сверчка, возьми его, не убивай и неси вонъ изъ укрѣпленія“. Онъ сталъ спокоенъ только тогда, когда сверчекъ былъ пойманъ и вынесенъ.

Съ непокорными Чеченцами велъ открытую, рыцарскую войну; но любилъ народъ и много заботился объ устройствѣ благосостоянія тѣхъ, которые переселялись къ намъ, а съ плѣнными не былъ жестокъ. Хотя онъ не отличался особенною физическою крѣпостью, но энергія души его все превозмогала; онъ былъ неутомимъ, способенъ переносить всѣ труды и лишенія, чтобы достигнуть своей цѣли. Въ пылу боя себя не щадилъ нисколько и никогда; не видѣлъ опасности, не замѣчалъ пуль, летавшихъ кругомъ его. Онъ зналъ, что дни его сочтены, пугался лишь мысли о смерти на постелѣ, отъ болѣзни; имѣлъ всегда жаркое желаніе умереть на полѣ ратномъ; выбралъ могилу себѣ въ Сунжинской станицѣ, подлѣ убитаго племянника своего, и былъ каждую минуту готовъ на смерть. Найдите такое самоотверженіе въ человѣкѣ молодомъ (33 лѣтъ), красивомъ, здоровомъ, на котораго природа щедро разсыпала всѣ свои дары.

Встрѣча праха его на Сунжѣ исполнена была мрачной торжественности. 11 Декабря повезли его изъ лагеря, въ послѣдній разъ шли за вождемъ своимъ всѣ Сунжинскіе казаки, подъ начальствомъ Войсковаго Старшины Предимирова, которому покойный генералъ,

очень любившій его, хотѣлъ передать командованіе надъ полкомъ. За тѣломъ ѣхали казачьи офицеры Клименко и Нейманъ, самые близкіе и преданные ему люди. Не доходя 4 версты до Ачхоя, встрѣтилъ его войсковой начальникъ этого укрѣпленія Подполковникъ Мезенцовъ, одинъ изъ лучшихъ друзей покойнаго. Получивъ въ ночь скорбную вѣсть, онъ послалъ въ станицу Сунжинскую заказать тамъ гробъ, устроилъ печальную колесницу и съ ротою пѣхоты вышелъ отдать послѣднюю честь останкамъ начальника своего и друга. Тѣло ночевало въ Ачхоѣ. Утромъ на другой день, печальное шествіе тронулось далѣе. Изъ первой на пути станицы (Ассинской) весь народъ вышелъ за 5 верстъ, старики, дѣти, женщины съ грудными младенцами, больные, хворые, все устремилось, всѣ пошли на встрѣчу тому, кто поселилъ ихъ, водворилъ, заботился о всѣхъ ихъ нуждахъ, защищалъ, берегъ ихъ—погибъ за нихъ. Еще большее стеченіе ожидало его предъ станицей Сунжинской. Вѣсть роковая разнеслась еще наканунѣ по Сунжѣ и отвсюду, изъ всѣхъ станицъ, старые и молодые пошли въ станицу Сунжинскую взглянуть послѣдній разъ на столь дорогое и знакомое имъ лицо. Цѣлый народъ, населяющій этотъ край ожидалъ въ безмолвіи, прерываемомъ лишь стонами и рыданіями, приближенія праха своего вождя. Съ появленіемъ печальной колесницы, вопль и плачь усилились. Все кинулось къ гробу, все бросилось смотрѣть на бездушное лицо; матери говорили маленькимъ дѣтямъ своимъ: „смотрите, вонъ кто былъ отцемъ и защитникомъ нашимъ"; клали грудныхъ младенцевъ на гробъ; отвсюду слышны были восклицанія: „лучше бы у меня отецъ былъ убитъ, или сынъ, или братъ". Тотъ говорилъ: „онъ меня изъ плѣна выкупилъ"; другой: „онъ семью нашу поддерживалъ послѣ смерти отца, погибшаго въ бою". Каждаго изъ нихъ лично зналъ Слѣпцовъ, вѣдалъ всѣ ихъ нужды, дѣлилъ съ ними горе и радость. Онъ сдѣлался для казаковъ столь необходимымъ, что они, знакомые съ бранною тревогой и привыкшіе въ бояхъ смотрѣть въ лицо смерти, не могли свыкнуться съ мыслію о его потерѣ, думали не оживетъ-ли онъ, не очнется-ли отъ своего тяжелаго сна и встанетъ, и раздастся его призывный кликъ: „на конь! за мной!" и вся Сунжа пойдетъ

снова за нимъ бить татаръ и жечь ихъ аулы... Колесница въѣхала на площадь станицы. Тамъ, передъ домомъ генерала стояли домашніе его, а впереди ихъ управлявшій всѣмъ хозяйствомъ у него, Яковъ Михайловичъ, 80-лѣтній старикъ, служившій еще дѣду Слѣпцова, бывшій у него дядькою, одинъ изъ тѣхъ старинныхъ слугъ, порода которыхъ нынѣ почти перевелась на Руси. Съ нѣмою горестью смотрѣлъ онъ на бездушное тѣло того, кого онъ носилъ на рукахъ и лелѣялъ. Въ одинъ день съ генераломъ былъ убитъ любимецъ его, Урядникъ Мишневъ, кавалеръ трехъ Георгіевъ. Узнавъ о смерти Мишнева, семья его въ одинъ голосъ сказала: „слава Богу, что въ одинъ день съ генераломъ убитъ; но намъ генерала жаль“. Вѣрнаго казака похоронили у ногъ его начальника. Три дня стояло тѣло Слѣпцова въ Сунжинской станицѣ; день и ночь народъ тѣснился въ церкви у его гроба, рыдалъ надъ нимъ, цѣловалъ охладѣвшія его руки. Казаки говорили: „Если-бы могъ онъ воскреснуть, хотя на мгновеніе, онъ увидалъ-бы тогда, какъ его любили“!

Такая скорбь, такая любовь, суть высшая и лучшая ему награда. Три дня оплакивалъ его народъ. Одинъ старый казакъ сказалъ: „никогда Сунжа такъ не разливалась, какъ теперь! сколько слезъ пролито на берегахъ ея“. 14 Декабря были похороны. Всѣмъ распоряжался Предимировъ. Печальный кортежъ пошелъ изъ церкви на кладбище: генералъ лежалъ въ гробу съ открытымъ лицомъ; онъ былъ одѣтъ въ мундиръ Сунжинскаго полка; казаки и слышать не хотѣли, чтобы на него надѣть парадный генеральскій мундиръ: „пусть положатъ его въ сырую землю въ нашей одеждѣ“, говорили они. Ликъ падшаго вождя былъ безстрастенъ и спокоенъ, какъ потухшій волканъ. Онъ мало измѣнился и казался погруженнымъ въ глубокій сонъ. За колесницей несли полковое знамя и вели бѣлаго коня генерала, на которомъ онъ былъ убитъ. Казаки подходили къ коню и говорили ему въ своей наивной горести: „Ты не добрый и не хорошій конь, на тебѣ убитъ отецъ нашъ, на тебѣ же онъ былъ раненъ; ты не берегъ его въ бою; еслибы онъ былъ на гнѣдомъ конѣ, то вѣрно бы остался живъ, тотъ честный и добрый конь и часто былъ раненъ подъ нимъ, а тебя

ни разу не ранили". Наконецъ, пропѣли послѣднюю вѣчную память убіенному на брани „болярину Николаю", и положили его въ могилу и засыпали ее, и ничего не осталось отъ него на землѣ, кромѣ громкой славы его, которая не умретъ, пока будетъ жить казачій народъ на Сунжѣ.

Въ Слѣпцовѣ было что-то магическое, волшебное, такъ онъ умѣлъ очаровывать, привязывать къ себѣ, возбуждать фантастическую преданность. Одинъ казачій офицеръ, человѣкъ образованный, одинъ изъ преданныхъ ему людей, сказалъ мнѣ чрезъ нѣсколько дней по его смерти: „Я былъ вѣренъ и преданъ ему, какъ лягавая собака господину, я поклонялся ему, какъ дикій поклоняется солнцу."

Вечеромъ, когда всѣ въ отрядѣ отдыхаютъ и сидятъ у костровъ, о немъ идетъ неумолкаемая бесѣда. Когда заходитъ разговоръ о падшемъ, а объ немъ говорятъ безпрестанно, то у всѣхъ на лицахъ появляется грустная улыбка. Казаки и татары (милиціонеры) поютъ пѣсни и славятъ добродѣтели покойнаго, его отвагу, его безстрашіе, его щедрость, его великодушіе.

Въ день смерти его, въ Сунжинской станицѣ было землетрясеніе: домъ генерала поколебался; часовой выскочилъ изъ него отъ ужаса. Въ этомъ обстоятельствѣ народъ видѣлъ явное знаменіе воли Божіей.

Дѣло 10 Декабря было удачно. Но все остановила смерть генерала; еслибы онъ не былъ убитъ, то нанесъ бы Чеченцамъ еще большее пораженіе и преслѣдовалъ бы ихъ до Рошни. Особенно отличились пѣшіе казачьи охотники подъ предводительствомъ храбраго Предимирова и Тенгинскіе охотники съ Маіоромъ Меркуловымъ: они взяли завалы и аулъ. 1-й Эриванскій и 2-й Навагинскій баталіоны вошли въ лѣсъ за кавалеріей; 1-й Навагинскій баталіонъ остался на мѣстѣ, составляя правый флангъ. Эриванцы съ Маіоромъ Шатиловымъ пошли впередъ, вошли въ связь съ охотниками и поддержали ихъ. Потомъ началось общее отступленіе. Непріятель не преслѣдовалъ, онъ бѣжалъ, какъ бы пораженный паническимъ страхомъ. Ночью лишь узнали въ горахъ о смерти ихъ грознаго врага.

Въ дополненіе къ этому извѣстію о кончинѣ генерала Слѣпцова присовокупляемъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія:

Покойный имѣлъ предчувствіе близкой кончины; по крайней мѣрѣ въ письмѣ своемъ отъ 12 Ноября онъ писалъ: „духъ мраченъ и душа страдаетъ, самъ не знаю отчего". Въ письмѣ изъ Ставрополя отъ особы, собиравшей точныя свѣдѣнія о покойномъ для сообщенія ихъ въ Россію, есть слѣдующія утѣшительныя строки: „нужно вамъ сказать, что падшій генералъ всегда, предъ вступленіемъ въ военное дѣло, исповѣдовался и пріобщался Св. Таинъ, такъ вступая въ дѣло былъ всегда готовъ положить душу свою за Царя и Отечество. Любимая сестра покойнаго Екатерина Павловна говорила, что братъ ея передъ смертію три дня постился вкушая немного маслинъ, исповѣдался и простился съ окружающими. Въ ночь на 10 декабря генералъ много занимался дѣлами съ адьютантамъ, г. Нейманомъ и поручилъ ему сказать, когда нибудь при свиданіи, его дружескія привѣтствія О. Леониду. Свиданіе состоялось и порученіе исполнено черезъ 18 лѣтъ, въ Москвѣ. Перу Г. Неймана принадлежитъ превосходная статья о Н. П. Слѣпцовѣ, помѣщенная въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1873 г.

Приказъ Военнаго Министра *). С.-Петербургъ, Декабря 29 дня 1851 года.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволъ въ память Генералъ-Маіора Слѣпцова, образовавшаго Сунжинскій казачій полкъ и постоянно водившаго его къ побѣдѣ, станицу Сунжинскую въ коей расположена штабъ - квартира сего полка, именовать впредь Слѣпцовскою.

---

*) «Русскій Инвалидъ» 1852 г. № 2-й.

О ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРѢ СЛѢПЦОВѢ *).

(Письмо къ одному изъ издателей).

Въ Гехинскомъ дѣлѣ убитъ, 10 Декабря 1851 года, распоряжавшійся онымъ Начальникъ Военнаго Владикавказскаго Округа Генералъ-Маіоръ Слѣпцовъ. Въ немъ я потерялъ друга и роднаго брата. Съ 12-ти-лѣтняго возраста онъ былъ со мною въ С.-Петербургѣ, и мы въ одно время оставили этотъ городъ, я возвратился на родину, а онъ перепросился на Кавказъ. Подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній я до настоящаго времени не былъ въ силахъ отвѣчать на призывъ редакціи „Сѣверной Пчелы"; но теперь исполняю это какъ непремѣнный долгъ въ память покойнаго.

Братъ Николай Павловичъ родился 6 Декабря 1815 г. въ селѣ Кологривовкѣ, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи, нашемъ родовомъ имѣніи. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ родительскомъ домѣ, подъ наблюденіемъ строгаго но почтеннаго отца и нѣжной матери, женщины истинно религіозной. Десяти лѣтъ онъ былъ отправленъ въ Ярославль, въ тамошній благородный пансіонъ при Демидовскомъ Высшихъ наукъ Училищѣ, нынѣшнемъ Лицеѣ. Оттуда прибылъ ко мнѣ въ С.-Петербургъ, и поступилъ 4 Іюля 1828 г. въ Горный Институтъ. Онъ былъ смуглый, живой и пылкій мальчикъ; въ черныхъ глазахъ его свѣтился огонь; дарованія его были превосходныя. Братъ пробылъ въ Горномъ Институтѣ до 26 Мая 1834 г.

Здѣсь въ немъ вполнѣ развилось призваніе къ военной службѣ, въ которой постоянно находились предки наши еще съ послѣдней половины XV столѣтія. Награжденный четыре раза за прилежаніе, успѣхи въ наукахъ и благонравіе, братъ сверхъ того получилъ за

*) Статья изъ «Сѣверной Пчелы» 1852 г. № 109-й.

ситуацію топографическую карту, а за фехтованіе—рапиру. Эти двѣ послѣднія награды были его торжествомъ, и онъ неотступно просилъ отца о переводѣ его въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Юнкеровъ. Обремененный семействомъ, отецъ долго не рѣшался. Наконецъ, по ходатайству родныхъ, согласіе было изъявлено, и вотъ что братъ писалъ къ нему, слово въ слово, предъ экзаменомъ, отъ 13 Іюня 1834 г. „Я началъ письмо мое вступленіемъ о затрудненіяхъ предстоящаго экзамена, не для того, чтобъ возвысить въ глазахъ вашихъ цѣну заботъ моихъ, но отъ искренности и чистоты души, и потому еще, что это весьма важно въ теперешнемъ моемъ положеніи. Не думайте также любезнѣйшій батюшка, чтобъ я раскаивался въ своемъ желаніи и предпріятіи. Боже меня сохрани отъ такой мысли! Я никогда не допущу этого! Чѣмъ затруднительнѣе опредѣленная собственнымъ моимъ побужденіемъ цѣль, тѣмъ радостнѣе будетъ для меня достиженіе ея! Теперь же я смѣю только надѣяться, позволю даже себѣ быть увѣреннымъ; но отчаяваться — никогда! Постыдно и безбожно было бы мнѣ не чувствовать родительскихъ заботъ вашихъ. Я понимаю ихъ и цѣню какъ велитъ долгъ мой. Благословляю Творца, что Онъ, по благости Своей, не судѝлъ еще до сихъ поръ заслужить отъ васъ упрека въ моемъ стараніи. Будучи осьмнадцати лѣтъ, я сколько чувствую и сознаю себя, надѣясь, что не допущу васъ въ немъ усомниться, и если позволите сказать прямо, откровенно, думаю, что заботы ваши пали не на совсѣмъ безплодную почву, но рано или поздно должны принести плоды (по силамъ моимъ) болѣе или менѣе для васъ утѣшительные. Чувства мои не должны быть для васъ закрыты; по законамъ Бога и природы, я долженъ держаться предъ вами только одного: что на душѣ то и на языкѣ. Я былъ бы слишкомъ безчувственъ и слишкомъ неблагодаренъ, еслибъ кагда либо осмѣлился не быть увѣреннымъ, составить ваше утѣшеніе. Молю только Бога, да продлитъ Онъ дни ваши на радость и счастіе. Батюшка! Я очарованъ истиннымъ назначеніемъ военнаго званія, я ставлю его выше всѣхъ другихъ понятій. Всѣ мои желанія, всѣ усилія стремятся къ тому, чтобы вступить на это высокое славное поприще и быть его достой-

нымъ. Я упросилъ, умолилъ васъ, такъ сказать, вырвалъ у васъ согласіе, и теперь у меня нѣтъ и не должно быть ни другой мысли, ни другихъ заботъ, кромѣ тѣхъ, чтобы заботиться о вашихъ радостяхъ и оправдать доброе участіе родныхъ. Вы рѣшились, и для меня нѣтъ препятствій! Предо мною обширное поле блаженству. Теперь я забываю превратность судьбы, мнѣ кажется, что я счастливъ навсегда — на вѣки, по крайней мѣрѣ, въ эти минуты — совершенно!“

Сдержалъ ли слово свое 18-ти-лѣтній юноша? Это всѣхъ лучше зналъ 80-ти-лѣтній старикъ-отецъ, за 4 года предъ симъ скончавшійся! Когда начала гремѣть слава дѣлъ его сына на Сунжѣ, старикъ плакалъ и не стыдился своихъ слезъ. Дай Богъ такихъ слезъ многимъ отцамъ, въ томъ числѣ и мнѣ, имѣющему трехъ малолѣтнихъ сыновей, любимцевъ дяди.

Во время пребыванія брата въ школѣ, онъ былъ особенно отличенъ внимательнымъ начальникомъ ея, генераломъ Шлипенбахомъ, который мнѣ лично сказалъ: „Братъ вашъ имѣетъ истинный характеръ военнаго человѣка, и подаетъ прекрасныя надежды“.

Высочайшими приказами братъ произведенъ: 1 Января 1837 г. Прапорщикомъ, со старшинствомъ отъ 4 Сентября 1836 г., и назначенъ лейбъ-гвардіи въ Литовскій полкъ; 28 Января 1838 г. Подпоручикомъ, а 18 Іюня 1840 году по собственному, горячему желанію поступить скорѣе въ дѣйствующія войска, переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ *) штабсъ-капитаномъ, съ состояніемъ по кавалеріи.

Въ этомъ году Провидѣніе назначило необыкновенную встрѣчу двумъ товарищамъ по Горному Институту, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ стремившимся каждый къ своей цѣли. Съ 1829 по 1833 годъ, они были вмѣстѣ и еще мальчиками на ученической скамьѣ, въ мечтахъ о своемъ будущемъ, назначали себя посвятить: одинъ военной службѣ, другой монашескому сану и вотъ, они оба въ первопрестольной столицѣ, старушкѣ Москвѣ — оба русскіе душою и сердцемъ, — оба, вѣрные

---

*) Нынѣ драгунскій Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полкъ.

своему призванію, возобновили пріязнь и пожавъ въ послѣдній разъ другъ другу руки, отправились одинъ на Кавказъ, къ мѣсту боевой его жизни и славной смерти, а другой къ С....... Лаврѣ, мѣсту тихому, призывающему къ подвигамъ духовнымъ. Это были братъ мой и......, но я не смѣю называть мірскимъ именемъ отрекшагося отъ міра! Въ 1850 г. они обмѣнялись поздравленіями: братъ поздравилъ друга своего Архимандритомъ, а онъ его Генераломъ. Ни предъ кѣмъ такъ искренно не изливалась душа брата, какъ предъ своимъ духовнымъ другомъ и голосъ утѣшенія вѣры, исходящій изъ самаго религіознаго чувства, успокоивалъ его всегда во время труда и обремененія, а иногда грусти и страданія *).

По прибытіи на Кавказъ, братъ поступилъ 10 Сентября 1840 г. Адъютантомъ къ Начальнику Штаба войскъ, расположенныхъ на Кавказской линіи и въ Черноморіи. Онъ былъ постоянно при дѣйствующихъ отрядахъ въ Большой и Малой Чечнѣ, изучалъ мѣстность, а также характеръ и свойство народа, съ которымъ ведется война, и за отличіе оказанное въ экспедиціи противъ горцевъ, въ той странѣ, гдѣ въ послѣдствіи, по предначертаніямъ Князя-Намѣстника Кавказскаго, основалъ Сунжинскій казачій полкъ и постоянно водилъ его къ побѣдамъ, всемилостивѣйше награжденъ, въ 30 день Іюня 1841 г. первымъ орденомъ, Св. Станислава 3-й степени.

Но описывать военныя заслуги брата предоставляю сослуживцамъ его. Г. Циммерманъ первый началъ это дѣло; вѣроятно, онъ и другіе, слѣдившіе за дѣятельною и полезною жизнію его на трудномъ поприщѣ, не пропустятъ ничего особенно замѣчательнаго, что можетъ войти въ полную біографію.

Склоняю рѣчь мою къ его семейнымъ отношеніямъ. Онъ былъ почтительный, покорный и признательный сынъ. Въ Іюнѣ 1848 г. отецъ нашъ скончался и былъ похороненъ въ отдаленной деревнѣ. Осенью того же года, въ этой деревнѣ вдругъ неожиданно явился

*) Справедливость требуетъ замѣтить, что по выходѣ изъ Горнаго Корпуса они не прекращали своихъ пріятельскихъ сношеній, видѣлись довольно часто и вмѣстѣ выѣхали изъ Пб. въ 1840 году.

штабъ-офицеръ и потребовалъ къ себѣ священника. Это былъ братъ; прямо съ Сунжи, лишь только позволили ему служебныя дѣла, онъ пріѣхалъ поклониться милому праху на свѣжей могилѣ. Въ уединеніи отъ всѣхъ, онъ долго и усердно молился, говѣлъ тамъ и причастился Святыхъ Таинъ; потомъ уже отправился на свиданіе съ нами. Родственность его, согрѣтая истиннымъ дружествомъ, была самая преданная; не было просьбы, въ которой онъ отказалъ бы роднымъ; этого мало, онъ самъ напрашивался на все, что только отъ него зависѣло. Часто съ грустію вспоминалъ онъ о падшемъ прежде его въ бою молодомъ племянникѣ, сынѣ старшей сестры, и самъ назначалъ похоронить себя въ одной съ нимъ могилѣ. Всѣхъ бѣдныхъ всякаго званія земляковъ, служившихъ на Кавказѣ или искавшихъ случая поступить чрезъ ходатайство его въ службу, ласкалъ какъ людей близкихъ ему, и имѣлъ о нихъ особенное попеченіе; многихъ содержалъ на свой счетъ. Скромность, при всей уже его извѣстности, доходила до того, что онъ слова, въ письмахъ и разговорахъ съ нимъ невольно иногда вырывавшіяся отъ удивленія къ нему, принималъ не иначе какъ за лесть. За три года предъ симъ, мы убѣдительнѣйше стали просить о позволеніи снять съ него портретъ; онъ не позволилъ даже продолжать нашей просьбы, на отрѣзъ отказалъ, и нѣтъ нигдѣ такого портрета. Изъ всѣхъ портретовъ, нарисованныхъ съ него тайно и доставленныхъ къ намъ, сдѣланъ одинъ схожій, и находится нынѣ въ нашей семьѣ.

Задумчивость, въ присутствіи брата, всегда заставляла его сомнѣваться въ томъ довольны ли имъ и онъ немедленно старался развлечь окружающихъ и разсѣять свое сомнѣніе; самъ же задумывался часто. Онъ любилъ во всемъ порядокъ, стройность, чистоту; цѣнилъ выше всего откровенность, прямоту, добродушіе; человѣка каверзнаго гнушался болѣе чѣмъ сверчка и паука, которыхъ не выносилъ до трепета. Мстительности никогда не допускалъ. Недавно, по его назначенію, розданы мною, отъ неизвѣстнаго, довольно значительныя денежныя пособія тѣмъ, которые, по одному случаю, были причиною его большаго горя, перенесеннаго имъ съ твердостью, какъ испытаніе

свыше. Онъ былъ пылокъ, но добръ и щедръ. Для пользы общей и служебныхъ обязанностей не щадилъ ничего; все состояніе съ жизнію своею повергнулъ на алтарь Отечества. Жертва чистая! Намъ осталось самое драгоцѣнное наслѣдство: одежда брата, въ кототорой онъ раненъ и убитъ, его боевое оружіе, кони, а самое главное всеобщее сочувствіе къ жизни и заслугамъ покойнаго.

Отъ такого сочувствія, увѣнчаннаго Всемилостивѣйшимъ вниманіемъ Государя Императора, скорбь тоскующаго родственнаго сердца о незамѣнимой потерѣ переходитъ въ умиленіе, укрѣпляетъ покорность Провидѣнію и затихаетъ въ теплой молитвѣ! Слезы горькія и отрадныя — дань землѣ и утѣшеніе неба! . . . .

Миръ его праху!

Петръ Слѣпцовъ.

Село Когогривовка,
5 Апрѣля 1852 г.

ПРОЩАЛЬНЫЙ СМОТРЪ ВЪ СЛѢПЦОВСКОЙ СТАНИЦѢ *).

Весело и безоблачно взошло солнце 10 Апрѣля 1852 года надъ широкой равниной Малой Чечни. Въ этотъ день въ Слѣпцовской станицѣ назначено было быть смотру. По улицамъ карабинеры съ ранняго утра чистятся и снаряжаются; казаки и казачки, отъ стараго до малаго, всѣ покинули свои домашнія занятія, какъ бы для того, чтобы полюбоваться, какъ стройно молодцы пройдутъ передъ начальникомъ, какъ дружно отзовутся они на его военное привѣтствіе.

Покуда собираются къ смотру, поговорю съ вами о товарищахъ, которыхъ Сунжинскіе казаки сегодня отпускаютъ въ дорогу.

Ровно годъ тому назадъ, 1-й баталіонъ Эриванскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, по волѣ Князя-Намѣстника отправленъ былъ изъ Грузіи въ Чечню, для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Путь предстоялъ дальній, край былъ мало кому

*) Изъ «Вѣдомостей Московской Городской Полиціи» 1852 г. № 139.

извѣстенъ; но карабинеры шли радостно, какъ бы на веселый пиръ. Незадолго до того, Царь украсилъ полкъ Августѣйшимъ именемъ Наслѣдника Цесаревича и всѣ горѣли желаніемъ въ кровавомъ бою отпраздновать милость Царскую. Гдѣ же найти было болѣе раздолья для праздника, какъ не на чеченскихъ поляхъ, тамъ гдѣ Слѣпцовъ съ своими Сунжинцами вихремъ - опустошителемъ носился по вражескимъ ауламъ, заметая за собою и слѣды вертеповъ, въ которыхъ гнѣздились хищники.

Храбрымъ не много времени нужно, чтобы свести дружбу до гробовой доски. Сунжинцы приняли въ домы свои Эриванцевъ, какъ родныхъ братьевъ. Слѣпцову стоило только разъ взглянуть на нихъ, чтобы полюбить ихъ отъ всей души, чтобы отгадать въ каждомъ молодца изъ молодцовъ. Много трудностей выпало на долю Эриванцамъ: вмѣсто отдыха послѣ дальней дороги, пришлось имъ, подъ лучами палящаго солнца, отъ ранняго утра до поздняго вечера, рыть землю для устройства новыхъ станицъ; но работали они весело, безропотно, зная что Слѣпцовъ, при случаѣ, дастъ имъ поработать и штыками вмѣсто лопатъ. Этотъ случай скоро представился, 15 Іюня, на Нурикойской полянѣ. Сунжинцы, какъ снѣгъ на голову, налетѣли на чеченскія стада и погнали ихъ спокойно за собою, словно давнюю собственность, между тѣмъ, какъ имъ наперерѣзъ Чеченцы сыпались въ лѣсъ густою толпою. „Постойте вы шайтаны“ толковали казаки между собою „на чистомъ мѣстѣ пропали ваши коровушки, а въ темномъ лѣсѣ пропадутъ и головушки“. Въ лѣсу непріятеля ждала пѣхота, завязался жаркій бой, и Эриванцы доказали на самомъ дѣлѣ, что все то правда, что сразу отгадалъ въ нихъ орлиный взглядъ Слѣпцова, чего безсознательно ждали отъ нихъ простые казаки. Казачья шашка съ карабинернымъ штыкомъ! И вскорѣ въ рядахъ Эриванцевъ сложили пѣсню:

Ужъ спасибо Воронцову,
Что въ Чечню онъ насъ послалъ
И начальникомъ Слѣпцову
Быть надъ нами приказалъ.

Съ тѣхъ поръ времени прошло не много, но въ этомъ времени много умѣстилось подвиговъ воинскаго самоотверженія, подвиговъ, о которыхъ теперь идутъ у насъ безконечные разсказы, и которые военная исторія запишетъ на своихъ страницахъ, послѣ того, какъ смолкнетъ живой говоръ очевидцевъ.

На гущѣ чеченскихъ лѣсовъ не осталось темнаго мѣста, которое не освѣтилось бы огнями перестрѣлки, которое не огласилось бы русскимъ побѣднымъ кликомъ. Не всегда и не вездѣ Эриванцы и Сунжинцы были вмѣстѣ, но въ станицахъ не забывали о добрыхъ постояльцахъ. „Гдѣ-то они, какъ-то Богъ ихъ милуетъ, скоро-ли къ намъ вернутся, безъ нихъ и хозяйство изъ рукъ валится": это слыхалъ каждый, кому зимой пришлось побывать на Сунжѣ.

21 Марта кончилась боевая жизнь Эриванцевъ въ Чечнѣ и баталіонъ для кратковременнаго отдыха размѣстился по станицамъ. Прошелъ Великій постъ, пришла Святая недѣля, на качеляхъ смолкла заунывная пѣсня казачекъ, съ площадей исчезли пестрыя толпы гуляющихъ; но по хатамъ, какъ бы для новаго разговѣнья, принялись стряпать и хлопотать домовитыя сунжинскія хозяйки.

„Вѣдь надо съ чѣмъ отпустить нашихъ постояльцевъ въ дорогу, имъ сердечнымъ до дому далеко, а пойдутъ они чрезъ горы пустою стороною". „Эхъ" говорилъ иной казакъ, "духанщикъ въ долгъ не вѣритъ, не знаю какъ и быть, а нельзя же завтра на прощаньѣ не выпить чихирю съ Эриванцами".

Но покуда я пишу къ вамъ, солнце поднимается выше и выше. Пора сѣдлать коня, не то опоздаемъ къ смотру.

Съ распущеннымъ знаменемъ баталіонъ двинулся изъ станицы дорогою, которая черной полосой вьется по зеленѣющейся степи. Пройдутъ годы за годами, перейдутъ воинскіе успѣхи казаковъ завѣтнымъ наслѣдіемъ къ ихъ сыновьямъ и внукамъ; но вовѣки не заростетъ травою эта дорога. Вотъ уже скоро четыре мѣсяца, какъ нѣтъ между нами крещенаго человѣка, который бы нѣсколько разъ не прошелъ по ней. На нее, какъ бы за напутственнымъ благословеніемъ, идетъ вся-

кій готовясь къ бою; на нее идетъ и тотъ, кому хотя мимоѣздомъ случится заглянуть въ нашу станицу.

Впереди, посрединѣ чистаго поля, бѣлѣется что-то словно палатки многолюднаго лагеря. Высоко уже солнце на небѣ, но въ лагерѣ томъ тишина полуночная. Видно крѣпко устали воины послѣ боевыхъ тревогъ, не дошли они до станицы, какъ уже свинцовый сонъ сложилъ богатырскія очи.... Проснись Слѣпцовъ! Эриванцы пришли съ тобой проститься. Неужели еще разъ не вымолвишь ты имъ слова, отъ котораго бывало, живымъ огнемъ вспыхивали сердца ихъ; неужели на прощаньѣ не поблагодаришь ты ихъ за службу молодецкую?

Въ глубокой тишинѣ выстроился баталіонъ передъ свѣжей могилой героя. Всѣ были проникнуты торжественностью минуты. Послышалось церковное пѣніе, началась церковная панихида. Серебристой росой капали слезы на земь; въ высь, къ голубому небу неслась теплая молитва объ упокоеніи души воина Николая въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе. На троекратное возглашеніе вѣчной памяти отозвался троекратный ружейный залпъ. Командиръ баталіона Подполковникъ Шатиловъ скомандовалъ: на караулъ! послѣ чего баталіонъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ мимо могилы. Равняясь съ нею офицеры салютовали, солдаты обращали къ ней глаза.

Гдѣ бы въ послѣдствіи времени ни привелось быть Эриванцамъ, вѣрно не забудутъ они этого прощальнаго смотра. Не забудутъ его и Сунжинскіе казаки.

10 Апрѣля 1852 года.
Ст. Слѣпцовская.

Въ № 125 Московскихъ Вѣдомостей за 1852 годъ находится извѣстіе такого содержанія:

Въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Художествъ (между прочимъ) дана золотая медаль втораго достоинства, состоящему въ числѣ вольноприходящихъ учениковъ Академіи, отставному Штабсъ-Капитану гвардіи князю Максутову, за исполненную имъ картину: сраженіе въ Малой Чечнѣ, въ которомъ убитъ Генералъ-Маіоръ Слѣпцовъ *).

Приказъ по 1-му Сунжинскому линейному казачьему полку, отданный 30 Августа 1845 г. Маіоромъ Слѣпцовымъ.

19 Января 1845 г.

Высочайшимъ приказомъ въ 19 день Января 1845 г. назначенъ я командиромъ 1-го Сунжинскаго линейнаго казачьяго полка. Обязанность моя заботиться о благосостояніи вашемъ и я приступаю къ трудному долгу своему съ удовольствіемъ. Желаніе Государя и правительства, чтобы вы на новой линіи были твердымъ оплотомъ для защиты дарованныхъ вамъ земель, вашего имущества и семействъ, противъ хищниковъ. Милостію Царя вамъ даны вспомоществованія и преимущества. Чувствуйте благодѣянія Монарха и попеченія начальниковъ.

Вѣра въ Бога и повиновеніе властямъ земнымъ есть первый залогъ отваги и силы. Понимайте долгъ христіанскій, исполняйте его по присягѣ и вы превзойдете старыхъ одностаничниковъ вашихъ, оправдаете надежду Царя и начальниковъ.

Молодечествомъ казакъ щеголяетъ, удальство въ крови его, оружіе и конь срослись съ нимъ. Новобранцы! берите примѣръ съ опытныхъ, и будемъ единодушно отстаивать собственность вашу твердо и мужественно. Не обманывайте себя заранѣе ложною силою непріятеля: вы будете имѣть борьбу съ народомъ, на которомъ лежитъ

---

*) Эта картина пріобрѣтена Государемъ Наслѣдникомъ, нынѣ благополучно Царствующимъ Государемъ Императоромъ.

клеймо Божьяго гнѣва и презрѣнія, съ бродягами, попирающими земные дары, промѣнявшими честный трудъ на грабежи и мошенничество. Они сильны только тогда, когда нападаютъ на слабаго, а вы всегда сильны вѣрой, славой имени Русскаго и славой казацкою съ давнихъ временъ.

Будьте же достойны званія казака по долгу христіанскому, вѣрности присягѣ, доблести, мужеству, удальству, повиновенію къ старшимъ, ловкости и расторопности. Тогда будете имѣтъ успѣхъ въ хозяйствѣ и дни ваши процвѣтутъ изобиліемъ и богатствомъ. Земля ваша имѣетъ всѣ способы къ тому, и вы ее уже оцѣнили. Нѣтъ врага кресту нашему, мы водрузимъ знаменіе Спасителя вездѣ, гдѣ укажетъ намъ Богъ перстомъ Царя. Долгъ нашъ — оружіемъ утвердиться здѣсь, на новыхъ мѣстахъ поселеній и мы обязаны сохранить этотъ священный долгъ съ горячимъ усердіемъ, славно, честно, неутомимо

Кто не признаетъ истины словъ моихъ, тотъ врагъ закону Божію, врагъ порядку и собственной пользѣ, тому судъ небесный, а на землѣ нѣтъ мѣры наказанія.

Считаю обязанностію по званію моему, и считаю долгомъ пріятнымъ жертвовать собою для пользы вашей, вы это узнаете послѣ. Отъ васъ же требую я усерднаго исполненія по закону и словамъ моимъ. Мой долгъ также соблюдать и ограждать права ваши; всякій обиженный и неудовлетворенный кѣмъ бы то нибыло и въ чемъ бы то нибыло можетъ придти ко мнѣ во всякое время съ жалобою, лишь бы она была законна и справедлива Объявляю вамъ также, что я буду каждый мѣсяцъ постоянно опрашивать претензіи и вмѣстѣ съ тѣмъ предваряю, что изслѣдованія мои по жалобамъ будутъ самые строгія и съ виновныхъ будетъ взыскиваться по законамъ примѣрно. Всѣ бумаги, при которыхъ будутъ получаться для васъ деньги отъ правительства или другія вспомоществованія, поставляю правиломъ обнародовать отъ слова до слова на сходкахъ, какъ я это уже дѣлалъ доселѣ.

Высочайше одобренныя правила уже были не разъ обнародованы мною вамъ къ всеобщему свѣдѣнію. Отъ васъ зависитъ, чтобы до-

вольствіе сопровождало дни ваши; исполняющій долгъ свой будетъ веселиться; веселье честной души радуетъ сердце начальника, а жить будемъ весело тогда, когда вы уразумѣете свое дѣло по долгу присягѣ и словамъ моимъ. Въ томъ я вамъ порукою.

Отрывки изъ статьи въ Иллюстраціи 1860 № 191; соч. Жиля.

Сунжинская линія начинается отъ рѣчки Камбилейки, протекающей между Владикавказомъ и укрѣпленіемъ Назарокъ, оканчивается постомъ Чумаханъ Юртѣ, при впаденіи Сунжи въ Терекъ, занимая пространство въ 120 верстъ. Въ 18 верстахъ отъ форта Назарокъ, Троицкая станица, въ 4 в. отъ послѣдней Слѣпцовская, въ 8—Михайловская, въ 10—Самашинская, въ 18—Заханъ-Юртъ, въ 20—Никанъ-Юртъ, въ 10—Грозная, въ 12—Чертугай, въ 8—постъ Аки-Мурза и въ 18—Чулаханъ-Юртъ, отъ которой начинается кумынская линія.....

Сойдя съ лошадей казаки затянули пѣсню, то веселую, то заунывную. Вечеръ заключился пѣснію, написанной урядникомъ Изюмовымъ на смерть генерала Слѣпцова,— это — родъ героической поэмы, раздѣляющейся на четверостишія.....

Генералъ Слѣпцовъ оставилъ по себѣ неизгладимую память на Кавказѣ. Смѣлость, храбрость и счастіе позволили ему участвовать въ ста сраженіяхъ. Въ 1850 году онъ былъ 1 разъ раненъ, а въ 1851 году въ 25 верстахъ отъ Сунженской станицы пуля поразила его . . . Воспоминаніе о немъ живетъ въ казакахъ до сихъ поръ, какъ въ первый день его смерти.

